Джордж Райт

Не по правилам

© George Right, 2026

Арлетт шла по аллее парка легким пружинистым шагом, наслаждаясь каждой минутой своей прогулки. Ее ладная подтянутая фигурка позволяла предположить в ней любительницу бега, но это было отнюдь не так. Бегать Арлетт ненавидела. Бег - это мерзкий противный пот, жар, приливающий к коже, терзающая жажда, тяжелое дыхание, рвущее грудь и оставляющее железистый привкус во рту - короче, одни только мучения и никакого удовольствия. Даже собственные груди, раскачивающиеся на бегу (если не использовать специальный спортивный бюстгальтер, в котором чувствуешь себя, как в медицинском корсете, а жар и пот становятся еще противнее), комфорта отнюдь не добавляют - и волосы, хлещущие по спине, тоже. Нет, с тех пор, как обязательные уроки физкультуры с их тренерами-садистами остались в прошлом, бегать Арлетт согласилась бы разве что для спасения собственной жизни! Зато она любила ходить. Не насиловать собственный организм, а позволить ему самому настроиться на оптимальный ритм и отмахивать быстрой ровной походкой милю за милей, совершенно не чувствуя усталости, не пыхтя, как паровоз, и не глотая воздух, как утопающий, а наслаждаясь ароматами хвои и нагретой смолы, слушая птиц, глядя на белок, бурундуков, деловито пасущихся кроликов и забавных упитанных сурков (а если повезет, то и на оленей) и размышляя о чем угодно, а вовсе не о том, сколько еще проклятых ярдов осталось до очередного фонтанчика с питьевой водой.

Было около 11 утра - прекрасное время, когда на солнце еще не жарко, но и в тени деревьев уже не холодно, дети в школе (летние каникулы еще не начались), взрослые по большей части на работе в своих скучных офисах, и парк принадлежит лишь своим законным пушистым и пернатым обитателям - ну и редким счастливым фрилансерам вроде Арлетт Рокстон. Которые только вчера сдали очередной заказ и могут позволить себе беззаботно гулять и радоваться жизни, пока не поступит новый. Впрочем, и когда он поступит, это не сильно изменит ее график. За компьютер она успеет и вечером, когда стемнеет и в озаренной лишь светом от экрана комнате будет работаться особенно хорошо. А тратить на работу чудесные утренние часы - преступление. Да, утро - на самом деле чудесное время! Его ненавидят только те, кто вынужден вставать по будильнику. Во времена учебы Арлетт и сама принадлежала к их числу, а теперь... как все-таки меняет человека свобода!

Арлетт миновала перекресток парковых аллей, где был установлен указатель с деревянными стрелками, торчавшими перпендикулярно друг другу на четыре стороны. Ей не нужны были указатели - она прекрасно знала свой любимый парк. Да и вообще, он был не настолько велик и слишком цивилизован, чтобы в нем можно было заблудиться. Повсюду информационные стенды, павильоны для пикников со строгими табличками "Только по предварительному заказу", спортивные площадки, само собой - туалеты, даже аллеи - и те, по большей части, асфальтированные, грунтовых дорожек совсем немного. За порядком бдят парковые рейнджеры, хотя, надо отдать им должное, им удается делать это ненавязчиво, по большей части не мозоля глаза посетителям (но вот как раз сейчас Арлетт заметила краем глаза одну из их машин, стоявшую на аллее, которую она только что пересекла). Иногда Арлетт, несмотря на весь ее рациональный ум, даже хотелось, чтобы парк был более диким местом - но это были, конечно, не более чем фантазии. Хотя такие леса и в самом деле имелись дальше за городом, но они имели статус заповедника, и там Арлетт не бывала. В настоящих диких лесах обитают настоящие дикие хищники, и вряд ли ей бы понравилась встреча с медведем. Хотя Арлетт хорошо умела стрелять (научиться ее вдохновил заказ на дизайн сайта оружейного магазина), оружия с собой она не носила и охотничьих наклонностей в себе не чувствовала. Зачем убивать медведя только за то, что он - медведь? Лучше просто не лезть на его территорию, пока он не лезет на твою. А цивилизованный парк на окраине города - прекрасный компромисс, где люди и звери могут сосуществовать, не угрожая друг другу. Никого опаснее оленей здесь нет...

- Простите, могу я попросить вас о небольшой помощи?

Застенчивый, почти что робкий девичий голосок. Арлетт обернулась. Ее нагоняла

белокурая девушка в серой форме рейнджера - совсем молоденькая, наверное, года на 3-4 младше самой Арлетт. Даже форменная рубашка почему-то была ей велика - рукава свисали чуть ли не до костяшек пальцев. Арлетт никогда не интересовалась, сколько учатся рейнджеры, но, кажется, там тоже требуется специальное образование - сразу после школы туда не поступишь. Стажерка, наверное...

- Понимаете, у меня сломалась машина, - в подтверждение своих слов девушка указала в сторону автомобиля, который уже заметила Арлетт. - Я уже почти поняла, в чем там дело, но мне нужно, чтобы кто-то повернул ключ и нажал на акселератор, пока я смотрю под капот.

- А какие именно симптомы? - заинтересовалась Арлетт. - Не заводится, или заводится, но работает нестабильно? Я, вообще-то, немного понимаю в машинах. Хотя до профессионального механика мне далеко, но, скажем, свечи поменять в состоянии... если, конечно, у вас есть при себе запасные, что вряд ли...

- Нет, там не свечи... кажется... но точно будет ясно, если проверить... надо, чтобы кто-то попробовал завестись, а я буду смотреть, что при этом происходит...

Это больше походило на неуверенный лепет, чем на заявление человека, хорошо разбирающегося в теме, так что Арлетт предложила:

- Почему бы вам просто не вызвать техпомощь?

- Ну, - незнакомка виновато улыбнулась, - зачем платить им деньги, если я и сама могу починить?

- Вам же не из своего кармана платить, - усмехнулась Арлетт. - Это же служебная машина.

- Ну... - девушка улыбнулась еще более виновато, - почему бы не сэкономить деньги налогоплательщиков?

"Наверное, работает сегодня первый день, - подумала Арлетт, - и не хочет подставляться под насмешки коллег, мол, только вышла, и сразу казенную машину сломала."

- Пожалуйста, - произнесла девушка уже с какой-то умоляющей интонацией, - вам это всего одна минута. Просто повернуть ключ и нажать на педаль. А меня... начальство накажет, если я не справлюсь.

Что-то во всем этом было неправильное. В конце концов, почему бы ей не вызвать на подмогу кого-то из более опытных коллег, если уж она не хочет обращаться в техпомощь? Не единственный же это автомобиль на всю их контору. Но, может, она и в самом деле боится, что поломка случилась по ее вине. Скажем, случайно переключилась на заднюю, когда машина катила вперед. Результат выглядит и в самом деле пугающе - на панели вспыхивают чуть ли не все красные и желтые индикаторы, и мотор глохнет. Теоретически так можно повредить трансмиссию, хотя на современных машинах просто глохнет мотор, и все. Подожди пару минут, чтобы все остыло, и можно заводиться снова.

И все равно, что-то в этой девице Арлетт не нравилось. Несмотря на то, что вид у нее был совершенно безобидный... даже, пожалуй, слишком безобидный для паркового рейнджера, прямо-таки жалкий. Такую любой хулиган, нарушающий правила поведения в парке, просто пошлет, а она не посмеет поставить его на место. И кожа ее, кстати, была очень бледной, что странно для рейнджера, проводящего много времени на открытом воздухе - впрочем, некоторые блондины почти не имеют меланина и просто физически неспособны загореть... Но в любом случае, ведь это всего лишь юная девушка, к тому же находящаяся при исполнении, а не какой-нибудь амбал, пытающийся заманить Арлетт к себе в машину.

Ей вспомнилась история, некогда прочитанная в интернете. Тоже про девушку, у которой сломалась машина - и которая разбиралась в автомобильных поломках примерно на уровне пользователя компьютера. То есть - давайте перезапустимся, может, оно заработает. Но - выключить-включить не помогло, а что делать дальше, она не знала. А техпомощь ей вызывать тоже было не то жалко (еще и за буксировку платить, помимо самого ремонта), не то это вообще

было в эпоху до мобильников. И вот стоит она на обочине над открытым капотом в полной растерянности. И тут рядом останавливается классический такой обшарпанный пикап, из которого вылезает классический такой реднек - борода, шляпа, все дела. Ну - типичный герой ужастиков про молодых наивных горожанок, попавших в лапы к провинциальным маньякам. И спрашивает - "Помочь?" Девушка, хотя ей и очень нужна помощь, лепечет что-то вроде "нет-нет, спасибо, сама разберусь". Он, не слушая ее лепет, подходит, смотрит под капот, потом смотрит на нее, внимательным таким взглядом с головы до ног (а время хоть и дневное, дорога - совершенно пустая, до самого горизонта ни одной машины, и никакого жилья вокруг). И говорит ей: "Снимая чулки!" Однако девушка не растерялась, выхватила шокер и засадила насильнику полный заряд!

И что оказалось в итоге? В моторе порвался приводной ремень. А в таких случаях временно, чтобы доехать до автосервиса, его можно заменить чулком. Так что мужик не хотел ничего плохого. Хотя, правда, сам он тоже отчасти был виноват - надо ж было сперва объяснить, зачем ему чулки понадобились... Но все равно - к вопросу о вреде паранойи.

Ладно, решила Арлетт. Не будем параноиками. Будем добрыми самаритянами. Поможем Службе лесов и парков.

- Хорошо, давайте попробуем, - сказала она. - Но если сразу решить проблему не получится - вызывайте техпомощь. Или кого-то из своих товарищей.

Обрадованная незнакомка пошла к своей машине, Арлетт за ней. Автомобиль оказался не пикапом, как ожидала Арлетт, а внедорожником "Шевроле Тахо". Капот уже был поднят, и водительская дверь открыта (ну ясно - девушка выскочила оттуда и побежала за Арлетт, даже не тратя время на то, чтобы ее захлопнуть). На заднем сиденье громоздился брезент, из-под которого выглядывали какие-то ветки - не то хворост, не то саженцы. Арлетт скользнула по ним взглядом и села на водительское место, обратив внимание, что ключ уже торчит в зажигании, хотя ни один индикатор на панели не светился. Рейнджерка обошла автомобиль спереди и скрылась от нее за поднятым капотом.

- Заводить? - крикнула Арлетт. - Уберите руки от мотора! И волосы смотрите чтоб не попали!

- Подождите! - донеслось из-за капота. - Мне тут... клемму прикрутить надо...

- Ладно, командуйте тогда!

В ожидании команды Арлетт посмотрела в зеркало заднего вида. Оно было странно повернуто - так, что увидеть в него можно было разве что потолок салона. Арлетт машинально протянула руку, чтобы его поправить - хотя, наверное, в такой тачке это делается кнопками, но в своем стареньком "форде" Арлетт привыкла подстраивать зеркало рукой. Вот же дурочка, подумала она про рейнджерку, даже задний обзор нормально настроить не умеет - что она видела вообще, когда ехала? - а еще мотор чинить рвется...

И тут до нее дошло, что именно ее смущало в обличии девушки. Ее форменная рубашка была не просто велика ей и лишена каких-либо опознавательных знаков - хотя вроде бы всем этим служащим положен бэйджик. У нее еще и застежка на мужскую сторону.

Рука Арлетт повернула зеркало как раз в тот момент, когда брезент сзади откинулся. Резко протянувшиеся оттуда руки в перчатках прижали к ее лицу мокрую тряпку с сильным химическим запахом. Здравый смысл, не покидавший Арлетт даже в самые критические моменты - скорее, наоборот, лишь обострявшийся в таковые - тут же подсказал ей: задержать дыхание, ни в коем случае не вдыхать эту дрянь! Увы - это решение ей пришлось принять на выдохе, так что воздуха в ее легких осталось совсем немного. Все же еще около минуты она яростно сопротивлялась. Но из того положения, в котором она оказалась - с лицом, полностью закрытым тряпкой, и головой, прижатой затылком к подголовнику, в то время как тело находившегося сзади врага было закрыто от нее спинкой ее сиденья - она уже мало что могла сделать. У нее, опять-таки, хватило ума сообразить, что пытаться оторвать от своего лица

сильные мужские руки, защищенные толстыми перчатками - значит впустую терять последние секунды. Вместо этого она попыталась повернуть ключ, чтобы затем на ощупь включить передачу и газануть со всей силы, дабы влететь в первое же дерево - хуже уже не будет, тем паче, ее защитит подушка безопасности, а врага резко бросит вперед (что при этом останется от заманившей ее мерзавки, стоявшей прямо перед носом машины, Арлетт, конечно, уже не волновало) - но мотор не завелся.

Она принялась давить на клаксон, но звуков тоже не было. Вероятно, с аккумулятора и в самом деле была снята клемма, которую никто, конечно, и не думал прикручивать обратно. Тогда она вслепую дотянулась до бардачка, распахнула его и принялась шарить там, надеясь нащупать хоть какое-нибудь оружие, но под руку попадали только бумаги. А потом ей пришлось вдохнуть.

Но и даже после этого она все еще продолжала бороться. Телефон, да... телефон в кармане ее рубашки... только сначала расстегнуть пуговицу, которую она всегда тщательно застегивала, чтобы он случайно не выпал... к черту "расстегнуть", оторвать... если бы ей удалось набрать вслепую 911... если бы... ей... уда...

Мир исчез.

Сознание возвращалось медленно, словно с трудом выдираясь из какой-то вязкой, муторной паутины. Сон... ей приснился дурной сон... голова тяжелая... подташнивает... наверное, так бывает при беременности, а может, при похмелье - но вот уж что ей точно не грозит, ни первое, ни второе... она сидит - должно быть, уснула прямо за компом, опять заработалась до глубокой ночи... тусклый свет от монитора... разве он не должен был уйти в спящий режим?... надо встать и умыться холодной водой, а лучше принять душ целиком... Она уперлась руками в пол (почему-то в пол, а не в подлокотники кресла), затем согнула ноги и уперлась в него же подошвами. Пол был холодный и грязный даже на ощупь.

Арлетт проморгалась и сфокусировала взгляд на своих босых ступнях. В первый миг это зрелище ее не удивило - дома она всегда ходила босиком, но затем она поняла, что это вовсе не ее дом. Она сидела у стены какого-то подвала - во всяком случае, это выглядело как подвал: голые бетонные стены без окон, единственная тусклая голая лампочка на потолке и, в нескольких ярдах впереди, лестница, уводящая наверх к железной двери с кодовым замком - разумеется, закрытой. Еще одна подобная дверь находилась в стене справа.

Вот теперь Арлетт пришла в себя окончательно и вспомнила все. Она попыталась вскочить, но нечто твердое впилось в ее горло и дернуло назад. Лязгнул металл. Арлетт в панике ощупала шею. Так и есть - на ней был металлический ошейник, от которого назад к стене тянулась короткая, длиной чуть больше двух футов, цепь, другим концом прикованная к толстому кольцу, вмурованному в стену примерно на такой же высоте над полом. Таким образом, пленница могла только сидеть или лежать прямо под стеной, но не вставать или хоть как-то перемешаться по своей тюрьме. Ошейник успел нагреться от ее кожи, и ощущение металла на шее стало привычным, поэтому она не обратила на него внимания сразу.

Ну уж нет! Привыкать к этому символу рабства она точно не собирается! Арлетт развернулась к стене, ухватилась обеими руками за цепь, уперлась ногами в стену, насколько позволяла небольшая длина цепи, и принялась изо всех сил дергать. Разорвать крепкую стальную цепь она, конечно же, не надеялась, но, может, удастся вырвать ее из стены? Увы - из этой затеи ничего не вышло. Она дергала и дергала, но из стены не выпало ни единой крошки. Кольцо было вмуровано на совесть - наверное, там был не просто штырь, а что-то типа якоря...Арлетт бессильно уронила руки и снова привалилась спиной к холодной стене. Ей хотелось рычать от отчаяния.

Так, ладно. Первым делом успокоиться. Паника иногда бывает полезна, когда мобилизует все ресурсы организма для бегства - потому-то эволюция и породила этот механизм - но это явно не тот случай. Грубой силой тут ничего не добьешься, используй свой мозг, которым ты,

умненькая девочка Арлетт Рокстон, всегда так гордилась! Прежде всего, что у нее в активе? Кроссовки с нее сняли, не побрезговав и носками, но вся остальная одежда - джинсы и рубашка, плюс, понятно, все, что под ними - пока что на месте, и это уже хорошо... Стоп, а действительно ли это "понятно"? Не стоит мыслить "очевидными" стереотипами, сегодня утром она себе это уже позволила, и вот результат... Могли ли ее раздеть, а потом одеть снова? Она проверила - нет, нижнее белье действительно на ней, и с трусами все в порядке - ни следов крови (чего она опасалась больше всего - впрочем, в этом случае, наверное, она бы чувствовала боль в промежности), ни мочи (что было бы, конечно, куда меньшим злом, но тоже приятного мало). Кстати, то, что она не обмочилась, пока была без сознания, означает, что прошло не больше нескольких часов... но вот дальше это может стать проблемой. В подвале не было ни унитаза (впрочем, цепь и не позволила бы ей влезть на таковой), ни хотя бы ведра. Ну да, понятно - не пускать человека в туалет, заставить его ходить под себя - это очень простой и в то же время очень действенный способ психологической ломки. Сразу же убить гордость, заставить почувствовать себя грязным животным. Применялось и нацистскими, и коммунистическими палачами - а до них, наверное, много кем еще... Ладно, пока еще эта проблема неактуальна. Кстати, даже тряпка, пропитанная мочой, в принципе может стать оружием, если неожиданно бросить ее в лицо врага - понятно, что физического вреда она не причинит, но заставит брезгливо отпрянуть, отвлечет внимание... Или, наоборот, ее можно использовать, как примитивный противогаз для защиты от дыма, если, допустим, удастся устроить пожар. Правда, в этом подвале гореть совершенно нечему, тут только голые стены, бетонный пол и металлические двери... Ладно, что у нас дальше? Из карманов у нее, конечно, все выгребли - ни бумажника, ни ключей, ни, само собой, телефона. Если бы найти хоть что-то, чем можно поковыряться в замке ошейника... (насколько Арлетт могла понять на ощупь, один и тот же замок и закрывал ошейник, и удерживал вставленное в него последнее звено цепи). Возможно, подошла бы металлическая заколка, но увы - заколки в ее волосах не было, она всегда предпочитала носить их распущенными. Ее роскошные каштановые волосы, которые ей всегда так нравились... но все же не настолько, чтобы отращивать их до пояса. Тогда из них можно было бы сплести удавку - задушить врага собственной косой, ага - но они достают ей лишь до лопаток, так что и из этой затеи ничего не получится. Никаких украшений она тоже не носила, колечек там или сережек - она никогда не понимала людей, по доброй воле дырявящих собственную плоть! - хотя сейчас, возможно, сережка подходящей формы, какой-нибудь крестик (религию она тоже никогда не жаловала), и могла бы сгодиться на роль отмычки, но что сожалеть о том, чего нет. Если выберется отсюда, повесит себе в ухо целый швейцарский нож, ха-ха. Ладно, что еще можно придумать? Разбить лампочку! Тогда враг потеряет возможность ее видеть (есть ли в подвале камера наблюдения? Арлетт таковой не видела, но, возможно, она просто хорошо замаскирована), а осколки стекла станут для нее хоть каким-то оружием. Но, пока она на цепи, до лампочки никак не добраться. Если бы было, чем в нее кинуть... кроссовки, кстати, возможно, и подошли бы, дав ей две попытки, что в ее положении не так уж и мало. Быть может, ее разули, учитывая и эту возможность.

Ее враг вообще не дурак, вот ведь что самое скверное. То, как мастерски ее заманили в ловушку... ее, умную и разумную Арлетт Рокстон, которая никогда бы не подумала, что такое может случиться с ней! С кем угодно, только не с ней! Конечно, любая жертва, оказавшаяся в ее положении, может сказать себе то же самое - иначе в таком положении бы не оказалась. Но ведь она действительно не дура. И она чуяла неладное! Но он просчитал все детали, которые должны были подавить ее недоверие. Ее готовность помочь выглядящей совершенно безобидно девушке. Ее уважение законопослушной гражданки к работникам государственных служб. Даже то, где именно была организована засада - на водительском сиденье! Только наивная дура полезла бы в багажник чужой машины (где в итоге бы и осталась), но человек на водительском месте чувствует себя полностью контролирующим ситуацию. Вот тебе руль, вот тебе ключи, все в

твоих руках (в буквальном смысле), тебе, незнакомцу, доверили чужой автомобиль (мощный внедорожник), и тебе остается только оправдать доверие...

Впрочем, не мыслит ли она снова стереотипами, отдавая ключевую роль мужчине? Может, эта парочка разработала план совместно, или даже и вовсе мужику отводилась роль мускулов, а не мозгов? Девка, конечно, выглядела просто жалкой, едва лепечущей написанную для нее роль - но и внешность, и поведение бывают обманчивы. Ловкие манипуляторши попадаются и среди школьниц, Арлетт имела неудовольствие учиться с одной такой, вечно стравливавшей между собой других девчонок, которые были и способнее, и красивее нее... Впрочем, если считать, что роль девки как минимум не меньшая, чем у мужика, тогда непонятен мотив похищения. Платить за нее выкуп некому, в страшилки про разборки людей на органы Арлетт не верила - операции по трансплантации слишком сложны, их не сделать в подвале на коленке. Желающих ей за что-то отомстить - скажем, за школьную травлю или за уведенного парня - тоже быть не может, за отсутствием события преступления. Нет, скорее всего, все предельно банально, из всех вариантов тут только - похитил ли насильник ее для себя лично, или собирается продавать кому-то еще. Стереотипы все-таки чаще всего верны - именно потому они и становятся стереотипами.

И тем не менее - если он и в самом деле умен, то в этом, как ни парадоксально, ее шанс. Чем сложнее система, тем она уязвимее (работает, впрочем, в обе стороны - доказано сегодняшним утром, м-да). С тупым громилой она не сможет поделать практически ничего - ну, разве что откусить ему... ту или иную часть тела, и то не факт, что это вырубит его раньше, чем он свернет ей шею. А вот маньяки-интеллектуалы - почти всегда позеры, склонные выпендриваться. Для них главное - не грубое физическое насилие (хотя это отнюдь не значит, что они избегают такового!), а психологическая победа над жертвой. А вот на этом поле мы еще посмотрим, кто кого.

И тут Арлетт поняла, что время строить догадки о похитителе закончилось. Потому что сейчас она познакомится с ним непосредственно.

Над лестницей щелкнул замок, и дверь начала открываться.

Верно ли, что имя человека может влиять на его судьбу? Мистическим образом, разумеется, нет, это все суеверная чушь. Но вот через сознание или подсознание... если он знает значение своего имени и начинает, вольно или невольно, подстраиваться под диктуемый им образ... во всяком случае, глядя на Хантера Воррена - а точнее, зная о нем то, чего, на самом деле, не знал о нем никто, кроме него самого (ну и его жертв, которые, однако, не знали его имени), кое-кто мог бы выстроить именно такую версию. Но, на самом деле, это тоже была полная чушь. Он не был по натуре охотником. Охота была для него, если угодно, лишь функциональной процедурой, необходимой, чтобы заполучить новую добычу, когда ему надоедала предыдущая. Не то чтобы, конечно, эта процедура вовсе не доставляла ему удовольствия - но оно было далеко, далеко не главным. От него он бы с легкостью мог отказаться. А вот от главного, от того, что начиналось потом, он не отказался бы никогда. Зовись он хоть Хантером, хоть Хезусом (популярное имя у мексиканцев, означает "Иисус"), хоть, к примеру, Александром (греческое имя, означающее "защитник мужей" - что характерно, никаких "Алексгинов", что означало бы "защитник женщин", не существует и никогда не существовало).

Как звали его новую пленницу, его совершенно не интересовало (хотя он, конечно, и вытащил водительское удостоверение из ее бумажника). Звали. Прошедшее время. Скоро ее будут звать "рабыня", как и всех предыдущих. Ну, точнее, двух первых он звал Жюстинами, в честь героини де Сада - но потом решил, что для рабыни слишком много чести иметь собственное имя, словно она - человек, хотя бы в чем-то равный своему Хозяину. Рабыня должна каждую секунду помнить, что она - вещь, единственный смысл и цель существования которой - ублажать своего Господина. Даже какие-нибудь унизительные клички, если они

индивидуальны для каждой рабыни, возвышают ее над статусом простого предмета. Никто ведь не дает ни имен, ни кличек скамейке для ног или половой тряпке. Поэтому - просто "рабыня", и никак иначе.

Конечно, если бы он держал несколько рабынь, их пришлось бы как-то различать. Но он всегда держал одну (ну, если не считать короткого промежутка замены, да и то - как только новая пленница становилась рабыней, он избавлялся от старой). Во-первых, похищать сразу нескольких - хотя бы и только двух - было бы слишком хлопотно, а если делать это по очереди, между рабынями появится иерархия. Старшая, то есть та, что была захвачена раньше, начнет чувствовать себя выше младшей и помыкать ею, а такого допускать нельзя. Унижение рабыни должно быть абсолютным, она не должна иметь возможности компенсировать его, унижая кого-то еще. Не должна даже в мыслях допускать уподобления себя Господину. Ну или рабыни могли бы подружиться и начать морально поддерживать друг друга, что было бы еще хуже. В такую перспективу он верил слабо, женщины неспособны к дружбе, все они - низкие завистливые суки, способные лишь гадить исподтишка друг другу, соперничая за благосклонность мужчины, их повелителя - но все-таки и такую возможность не следовало полностью исключать. Особенно окажись они, к примеру, лесбиянками - а в нынешние времена, увы, и такое не редкость. (Ему не было никакого дела до ориентации рабыни, ведь это она должна ублажать его, а не он - ее, и если лесбиянка почувствует себя дополнительно униженной тем, что ее Господин - мужчина, так только лучше; однако все изменится, если у нее появится подруга.) Можно было, конечно, содержать рабынь так, чтобы они вообще не могли общаться друг с другом, но это, опять-таки, слишком хлопотно - даже после всех проделанных им подземных работ у него тут не гигантские хоромы. Да и... откровенно говоря, в физическом плане одной рабыни ему было вполне достаточно. Вторая была бы просто лишней (притом, что ее все равно пришлось бы кормить). Она не была нужна даже для того, чтобы подменять первую во время месячных. Их месячные никогда не были для него проблемой - в конце концов, для чего рабыне рот? Ну то есть, конечно, еще и для того, чтобы умолять своего Господина не наказывать ее слишком сильно. Или же наоборот - периодически он заставлял их самих просить о наказании. Не просить они, понятно, не могли - тогда бы он наказал их за дерзость. Причем они даже не могли рационально выбрать, в каком случае наказание окажется хуже. В том-то и был весь смак, что они выбирали наиболее унизительный для себя вариант, зная, что не получат от этого вообще никакой выгоды.

Когда же прежняя рабыня надоедала ему, он просто заменял ее. Не убивал, нет. Во-первых, убийства его не возбуждали - равно как и увечащие пытки, типа ампутаций или сдирания кожи. О нет, он точно не потрошитель и не шкуродер - и не глупый мальчишка, ломающий собственные игрушки. Физическую боль он применял лишь как средство усилить унижение - которое и было самым главным его удовольствием. А смерть кладет конец унижению, что неправильно. Рабыня должна быть унижена ВСЕГДА - даже когда она уже не нужна своему хозяину. Он не убивал их - но и не освобождал их. Он их просто выбрасывал, как более не нужную вещь. Он мог снять с них кандалы, но их воспоминания никуда не денутся - равно как и кое-какие отметины на их телах. И он знал, что они никогда не пойдут в полицию. У него было против этого целых три предохранителя - каждый следующий надежней предыдущего. Во-первых, к тому моменту, когда он их выбрасывал, они уже были вышколены настолько, что не смели и подумать хоть в чем-то пойти против воли Господина. Во-вторых, он говорил им, что если они только попытаются, фото и видео всего, что он с ними делал - и всего, что делали они сами по его приказу - разлетятся по всему интернету, причем не анонимные, а снабженные всеми их личными данными (на самом деле он не хранил эти данные, ему было плевать на их прежние имена и адреса, но они-то об этом не знали). В-третьих...

Хантер открыл дверь стенного шкафа и вошел внутрь. Подошел к правой стенке, надавил на деревянную панель - та отъехала в сторону. За ней была еще одна дверь, с кодовым замком. Он ввел код и начал спускаться в свою подземную тюрьму, позволив двери автоматически

захлопнуться за спиной. Снова щелкнул замок.

Пленница, конечно же, уставилась на него своими большими карими глазами. Хорошая добыча. Лучше предыдущей, несмотря на то, что на несколько лет старше - впрочем, Хантер и не был любителем малолеток. Сиськи, во всяком случае, уж точно лучше - это было хорошо видно, даже пока она в одежде. (Снять ее она должна сама, признавая свой новый статус; право на одежду - это второе, чего лишается рабыня после права на имя. Ну, или третье, если обувь считать отдельно.). У предыдущей не сиськи, а недоразумение, когда ее растянешь на горизонтальной дыбе лицом вверх, они вообще исчезают, торчат одни соски прямо из ребер, можно сказать. А у этой... при мысли о том, как они будут вздрагивать и колыхаться под ударами розги и кнута, Хантер почувствовал острое возбуждение, которого давно уже не чувствовал с предыдущей рабыней. При одной только мысли, да - а что будет, когда дойдет до практики... Заметила ли она? А впрочем, какая разница. Стесняться собственной рабыни он уж точно не станет.

Пленница тем временем молчала и смотрела на него не со страхом, а с презрительным вызовом - и пока он спускался, и пока неторопливо шел по направлению к ней, и когда остановился с довольной усмешкой, не доходя пары ярдов. Обычно все они - во всяком случае, те, у кого от страха вовсе не отнялся язык - в это время голосят, кто во что горазд. И "выпусти меня немедленно!" (вот ты серьезно веришь, что от твоих слов я так и сделаю?), и "меня будут искать, ты сгниешь в тюрьме!" (как ты думаешь, какая ты уже по счету, которая мне это обещает? Только не с такой тупой полицией, как в этой стране, детка), и "у меня" - или там "у моих родителей" - "есть деньги, скажите, сколько надо, только не трогайте меня!" (на самом деле по-настоящему богатые ему не попадались, да и, понятно, вовсе не в деньгах был его интерес), и "пожалуйста, пожалуйста, сэр, просто позвольте мне уйти, я не пойду в полицию, я никому ничего не расскажу, клянусь..." Последний вариант нравился ему больше всего - рабыня должна жалобно молить своего Господина, интонация уже правильная, только текст надо доработать. (Предыдущая, кстати, тоже начала именно с этого.) Некоторые, что особенно забавно, умоляют отпустить их "ради моей мамы, у вас ведь тоже есть или была мать, сэр..." Они и в самом деле думают, что он испытывает хоть какие-то чувства к этой старой суке? На самом деле он не купит билет до Охайо, даже чтобы помочиться на ее могилу.

А эта, значит, молчит. Причем явно не от страха. Страх хорошо видно по их позам. Обычно они сидят, сжавшись в комочек, подтянув колени к груди - даже пока еще одетые, словно бы пытаются прикрыть наготу. Даже пальцы на ногах поджимают. Каждая мышца напряжена, некоторых реально трясет до стучащих зубов, у некоторых слезы ручьем (это он не любил и быстро пресекал, слезы делают их мордашки ужасно некрасивыми). А эта, ишь ты, развалилась в расслабленной позе, прислонившись к стене и вытянув слегка расставленные ноги - будь на ней юбка, эта поза выглядела бы не вполне пристойной, а в джинсах - ни дать ни взять любительница пешего туризма, с удовольствием отдыхающая после долгого, но приятного пути. И брезгливо косящаяся на бомжа-попрошайку, пришедшего потревожить ее отдых. Неужели совсем не боится? Да нет, конечно же. Боится до чертиков, как же иначе. Просто делает все, чтобы этого не показать. Хотя и наверняка понимает, что он это понимает.

Гордая, значит. Ну что ж. Он любит гордых. Потом особенно приятно смотреть, как они лижут его ноги и приползают на коленях с плетью в зубах, чтобы он их наказал. Однажды он поймал даже феминистскую активистку, большую любительницу порассуждать о мужских шовинистических свиньях. Та, кстати, в первые минуты не молчала, а крыла его по всем статьям своего символа веры. Потом он использовал ее поганый рот в качестве писсуара. Причем даже не потому, что его это возбуждает - вот как раз это нет, он слишком брезглив, моча и кал не по его части. Впрочем, оно и хорошо, что не возбуждает, потому что в возбужденном состоянии мочиться весьма неудобно. Просто надо было воздать той суке именно то, что она заслужила.

Что именно он сделает с этой, он еще не решил. Возможно даже, что и ничего

особенного... сверх обычной программы. Это будет зависеть от того, как быстро она перестанет упорствовать и как горячо примется потом искупать свою вину.

Пленница продолжала молчать. Затем демонстративным жестом скрестила руки на груди. Почесала большим пальцем правой ноги подошву левой. (На самом деле, конечно, все эти жесты выдавали ее волнение - хотя она и очень старалась выдать их за демонстрацию равнодушия.)

- Ты ничего не хочешь у меня спросить или попросить[1]? - потерял, наконец, терпение Хантер.

- Ты именно этого от меня и ждешь, - снизошла до ответа Арлетт. - Стало быть, я не стану этого делать.

- Считаешь себя сильно умной? - окрысился он.

- Не очень, раз оказалась здесь, - самокритично признала она, - но для тебя это тоже пиррова победа. Если бы ты хотел убить меня или... сделать что-то еще, что можно было сделать, пока я была без сознания - ты бы уже это сделал. Следовательно, тебе нужно мое сознательное сотрудничество. А его не будет. Я не стану играть по твоим правилам.

- А придется! - зловеще посулил он. - Еще как придется! - и он вытащил револьвер.

Ее брови дрогнули вверх и сдвинулись над переносицей, невольно выдавая ее испуг, но в ее голосе звучало все то же ленивое презрение:

- И это самое умное, что ты придумал? Угрожать мне пушкой?

- Заткнись и выслушай!!! - рявкнул он. Эта сука ломала ему весь сценарий! Вместо того, чтобы возвещать свою волю трепещущей жертве, он получался каким-то паяцем на вторых ролях, вынужденным подхватывать ее реплики. Но на сей раз, похоже, до нее все-таки дошло, что лучше не злить его еще сильнее. Теперь она была вся внимание. - Я даю тебе выбор, - произнес он уже более спокойным тоном, возвращаясь к той веской интонации, которая была запланирована изначально (и использовалась во всех предыдущих случаях). - Весьма щедрый и справедливый выбор, который в моем и твоем положении тебе едва ли дал бы кто-либо еще. Смотри, - он выщелкнул барабан и продемонстрировал ей, что тот пуст. Затем неторопливо достал из кармана патрон и зарядил одно гнездо. Потом вернул барабан на место.

- Я не собираюсь играть с тобой в "русскую рулетку", - продолжал он насмешливо-снисходительным тоном. - Патрон встал именно в позицию для стрельбы. Револьвер полностью исправен, патрон тоже. При нажатии на спусковой крючок произойдет выстрел. И сейчас я отдам этот револьвер тебе. Но прежде, чем взять его, внимательно послушай, а затем хорошо подумай. У тебя есть ровно три варианта. Вариант первый - ты можешь застрелить меня. В этом случае ты медленно умрешь от жажды и голода, сидя на цепи в собственных фекалиях рядом с моим разлагающимся трупом. Даже если тебе удастся дотянуться до него - ни ключа от твоего ошейника, ни телефона у меня при себе нет, впрочем, телефон в этом подземелье и не ловит. Других патронов, кстати, при мне тоже нет. Ни ножа, ничего вообще, чем ты могла бы воспользоваться, чтобы избавиться от цепи или прекратить свои страдания. Дверь заперта на кодовый замок, код знаю только я. Эта дверь, - он указал на ту, что в правой стене, - ведет в другие помещения подземелья, не имеющие выхода наверх. Он есть только отсюда. Впрочем, ни до одной из дверей тебе в любом случае не добраться. Об этом подземелье никто не знает, искать тебя здесь никто не будет. Возможно, некоторое время ты сможешь питаться моей плотью, но недолго. Сырое мясо без морозильника протухает очень быстро. Вариант второй - ты можешь застрелить себя, и тем спасти свое достоинство и избавиться от дальнейших унижений. Если выберешь это - лучше всего стреляй в мягкое нёбо, вот так, - он открыл рот и показал, как направить ствол - вверх и назад. - Это гарантирует мгновенную смерть, которой выстрел в висок не гарантирует. Наконец, третий вариант - ты сама, по своей воле, отдаешь мне неиспользованный револьвер, признавая тем самым себя моей рабыней, а меня - твоим

[1] В оригинале Don't you want to ask me anything?, что означает и то, и другое.

Господином, который волен делать с тобой все, что пожелает. Я дал тебе боеспособное оружие, но ты отказалась воспользоваться им для защиты твоей чести и прав - следовательно, все права на тебя переходят мне. В этом случае ты должна встать на колени, опустить голову, - длина цепи как раз позволила бы ей это сделать, - и протянуть револьвер мне, держа его за ствол рукояткой вперед. Теперь подумай, какой из вариантов ты выбираешь, - он положил револьвер на пол, все еще вне пределов ее досягаемости, а затем вдруг добавил: - Да, вот еще что. Специально для считающих себя слишком умными. Не пытайся перебить цепь пулей. Это штамп из кино, в жизни это не сработает. Возможно, срикошетивший осколок выбьет тебе глаз, а если даже и нет - ты только лишишь себя права на выбор, и его сделаю за тебя я. А я очень не люблю читеров.

С этими словами он подвинул ногой оружие к ней. Арлетт уже могла дотянуться до револьвера, но не спешила это делать, полагая, что стоит ей протянуть руку - и он отфутболит оружие прочь, издевательски смеясь. Тогда Хантер демонстративно отступил на три шага назад, насмешливо улыбаясь. Арлетт поглядела на него исподлобья, а затем ее права рука метнулась с быстротой атакующей кобры и схватила револьвер. В следующий миг она наставила ствол на своего врага. Тот оставался стоять на месте, продолжая издевательски улыбаться - воплощенное презрение к смерти и к жалкой пленнице, которая, конечно же, даже имея револьвер, который он дал ей, не осмелится выстрелить в него, даже безоружного.

Хантер не солгал ей. Он мог бы подсунуть ей неисправное оружие или учебный патрон, и было бы даже забавно посмотреть, как изменится ее мордашка, когда она с видом эринии нажмет на спуск, а услышит лишь щелчок - но он играл честно и знал, что она *может* его убить. Сказать по правде, так было не всегда. Обеим Жюстинам он действительно подсовывал патрон с уже пробитым капсюлем. Но он и тогда играл честно. Он лишь желал обезопасить себя, но, выбери они выстрел в него - он отпустил бы их. *Тогда* он еще готов был уважать достойного противника - такого, что готов обречь на мучительную гибель себя, лишь бы уничтожить своего врага. Но он убедился, сколь наивно искать такового среди этих жалких, презренных сучек. Обе Жюстины покорно выбрали рабство, как и все, что были после них. За исключением одной-единственной пленницы, которая выбрала второй вариант. Ему было жаль, что она так поступила - она была красивая, и к тому же она была девственница (он не побрезговал проверить это уже после, когда избавлялся от тела) - но все же она была единственной из всего низкого женского племени, заслуживавшей хоть какого-то уважения. Все остальные... он давно уже понял, что может предлагать им честный выбор, фактически ничем не рискуя.

И все-таки они *могли* его убить, и осознание этого добавляло остроты его удовольствию. Чувство пережитой опасности вообще усиливает сексуальное влечение, именно поэтому так много изнасилований на войне - ну и из-за желания максимально унизить врага, конечно же, тоже. Но перебирать с остротой блюда все же не стоило - всякая приправа хороша в меру, особенно такая, которая может вовсе прожечь дыру в твоем желудке - а сучка продолжала в него целиться, поэтому он, продолжая насмешливо улыбаться, произнес:

- При такой температуре воздуха, - в подземелье было прохладно, - и сидя на одном месте без физической активности, ты протянешь без воды дней шесть. Если поначалу сможешь слизывать мою кровь, пока она еще не свернулась, или пить собственную мочу - а жажда станет такой нестерпимой, что ты едва ли сможешь удержаться - то и того дольше. Это будет очень медленная и мучительная смерть.

Она, словно бы вняв голосу разума - или же просто устав держать оружие на весу - согнула правую ногу и опустила руку с револьвером на колено. Однако ствол оставался направленным на него. И больше ничего не происходило.

- Ну? - потерял терпение он. - Что ты выбираешь?

В свое время он специально обдумывал, в какой позе ему надлежит ожидать выбора пленницы - сидя на полу напротив нее или стоя перед ней. С одной стороны, сидя он оказывался с ней на равных, что было, безусловно, неправильно, а стоя он возвышался над ней. Но с другой

стороны, выходило, что рабыня сидит, когда ее Господин стоит. Потом-то, конечно, такого уже не повторится - ей будет запрещено сидеть в его присутствии, только стоять, или стоять на коленях, или на четвереньках (а он усядется в кресло и положит ноги в грубых ботинках на ее голую спину) - но это будет потом, когда она признает его власть. А в эту минуту, когда у нее еще остается последний выбор... Но в итоге он все же решил, что не роняет своего достоинства. Ведь для хозяина не унизительно стоять, когда собака сидит у его ног, тем более - на цепи. Так какая разница, одна сучка, или другая.

Но вот теперь, стоя перед ней под дулом направленного на него револьвера, он начал чувствовать себя унизительно и глупо. Выходило, что это *она* решает его судьбу, а *он* стоит и покорно ждет ее решения! Да кто здесь вообще Господин, а кто раб[2]?!

- Я выбираю заряженный револьвер, - спокойно ответила она. - У меня он есть, а у тебя его нет. И это дает мне весьма существенное преимущество, от которого я не собираюсь отказываться. Но если ты сделаешь хоть шаг ко мне, я выстрелю. В тебя, а не в себя - в этом можешь не сомневаться. Даже если потом я умру сама, для тебя это будет слабым утешением, не так ли? Мне терять все равно нечего, а вот тебе есть что. И это дает мне второе преимущество.

- И долго ты намерена так сидеть? - криво усмехнулся он.

- Пока ты не освободишь меня.

Хантер только фыркнул от ее наглости.

- Ну тогда сиди здесь со мной, - ответила на это Арлетт. - Точнее - стой. Так ты устанешь быстрее.

- Я просто уйду, закрою за собой дверь и оставлю тебя здесь умирать.

- Нет, - все так же спокойно ответила она, - ты этого не сделаешь.

- Это почему же? - прищурился он.

- Потому что, как только ты поднимешься по лестнице и откроешь дверь, я застрелю тебя. Я хорошо умею стрелять, так что не промахнусь с такого расстояния. Твое тело останется лежать в проеме двери и не даст ей закрыться.

- И что тебе это даст? Думаешь, кто-то услышит твои крики? Или придет на запах мертвечины? Мы в лесу. До ближайшего жилья восемь миль.

- Это ты так говоришь, - пожала плечами Арлетт.

- Ты очень пожалеешь, когда убедишься, что это правда, - осклабился Хантер.

- Может, да, а может, и нет, - ответила она все тем же подчеркнуто равнодушным тоном. - Зато ты точно не пожалеешь. Поскольку будешь уже мертв.

Эта сучка его уже реально достала, но он представил, КАКИМ наказаниям подвергнет ее за все это потом - и снова расплылся в улыбке.

- Чтобы тебя освободить, мне нужно сходить наверх за ключом.

- Ты считаешь меня совсем дурой? Разумеется, я не выпушу тебя отсюда, пока на мне цепь.

- Тогда каким же, мать твою, образом ты надеешься ее снять?! - все-таки сорвался он.

- Дверь справа, - Арлетт мотнула головой в подтверждение своих слов. - *Туда* я тебе сходить позволю. Ты сам сказал, что оттуда нет выхода наверх. Думаю, там твоя камера пыток. И ключ от цепи, или его дубликат, находится там. Ну хотя бы чтобы ты мог быстро отковать свою рабыню отсюда и отвести ее туда, не мотаясь снова наверх.

Она все угадала верно, и это его бесило. Но он снова сделал над собой титаническое усилие. Ох, КАК она за это поплатится! Точнее - будет платить снова, и снова, и снова. Каждый день! Каждый день она будет вымаливать у своего Господина прощения за эти минуты - и, разумеется, не получать его. И знать, что не получит. И все равно молить, потому что куда ж она денется?

---

[2] В английском оба слова - Master и slave - не имеют рода, как и абсолютное большинство существительных.

- Ладно, - сказал он вслух, - я принесу ключ. Если я сам отпущу тебя, ты ведь не пойдешь в полицию? Они все равно тебе не поверят. Какой похититель сам даст своей жертве оружие? Будет твое слово против моего, и никаких доказательств, - понятное дело, все это он сказал лишь для того, чтобы усыпить ее бдительность. Мол, у нас есть все основания договориться по-хорошему, успокойся и расслабь палец на спусковом крючке...

- Сначала скажи мне код от двери наверху, - потребовала она.

- 4327, - соврал он. Настоящий код был вообще шестизначный.

- Нет, - качнула головой она, снова поднимая руку с револьвером, - ты врешь. Ты слишком легко смирился с поражением - а ведь для таких, как ты, неприемлема сама мысль, что их может победить девчонка. Ты собираешься просто отсиживаться за этой металлической дверью, пока я не засну. Не знаю, почему ты возомнил, что не заснешь первый - я ведь, благодаря, тебе, хорошо выспалась, - осклабилась Арлетт. - Но, в любом случае, я отзываю свое предложение. Или ты кидаешь мне ключ от ошейника прямо сейчас...

- У меня его нет, ты, тупая сука!!!

- Ну, тогда так, - ответила Арлетт и выстрелила ему в живот.

Хантер повалился назад и скорчился на полу, прижимая руки к ране. Рубашка под его пальцами быстро пропитывалась кровью.

- С-с-сука! - страдальчески выл он. - Су-у-ка!

- Теперь ты слушай меня! - рявкнула Арлетт, перекрывая его стоны. - У тебя только один шанс! Только что ты получил проникающее ранение кишечника. Оно не только очень болезненно, но и почти наверняка смертельно. Даже если ты не истечешь кровью, содержимое твоих кишок - проще говоря, твое дерьмо - сейчас попадает в кровоток и разносится по всему организму. Результатом будет сепсис, синдром системного воспалительного ответа, прогрессирующая полиорганная недостаточность и смерть. Это будет очень медленная и мучительная смерть, - осклабилась Арлетт, копируя его интонацию. - Может, не такая медленная, как от жажды, зато намного более мучительная. Единственный - подчеркиваю, единственный! - твой шанс - это срочная медицинская помощь в хорошо оборудованной больнице. Поэтому сейчас ты сделаешь все возможное и невозможное, чтобы добраться до телефона и вызвать "скорую". Которая, конечно, приедет вместе с полицией, как всегда при пулевых ранениях, а та осмотрит весь дом.

- Ты... сдохнешь здесь... - с ненавистью выдавил из себя Хантер. - Я скажу... стрелял грабитель... который... убежал... Они не найдут... вход в этот подвал...

- Найдут еще как, - возразила Арлетт. - По оставленному тобой кровавому следу. Ты сейчас не в том состоянии, чтобы устраивать влажную уборку и вообще прятать улики, особенно если дом осмотрят с собаками. Так что лучше с самого начала сотрудничай со следствием и расскажи им все, глядишь, получишь скидку. И давай уже, ползи к телефону! Счет для тебя идет на секунды!

"Вообще-то для нас обоих", - вынуждена была признать она про себя. Если он сдохнет, так и не успев вызвать помощь, то и она тоже. Стреляя в него и даже не зная наверняка, насколько тяжелым окажется ранение - все ее познания в медицине, которыми она только что щеголяла, на самом деле ограничивались статьями из интернета - Арлетт понимала, что ее план страшно рискованный. Но другого варианта все равно не было.

Хантер попытался встать на четвереньки (словно какая-то рабыня, мелькнуло в его мозгу, которых он заставлял приползать к нему на четвереньках, чтобы вытереть об них ноги, придя с улицы) - но смог лишь приподняться на руках, оторвав от пола верхнюю часть тела.

- Я не чувствую ног! - в ужасе простонал он, осознав эту страшную истину. - Все, что ниже поясницы...

- Значит, пуля попала в позвоночник, - констатировала Арлетт. - Придется тебе ползти на руках, если хочешь жить. Я еще помню, какие у тебя сильные руки, - издевательски добавила

она, - так что ты справишься.

На самом деле она вовсе не была в этом уверена. Сможет ли он вползти на одних руках по достаточно крутой лестнице, волочась раненым животом по краям ступенек? Что, если он потеряет сознание, истечет кровью и уже не очнется?

Однако он пополз не к лестнице, а совсем в другую сторону - к правой двери.

- Я... дам тебе... ключ, - простонал он сквозь стиснутые от боли зубы, - а ты... вытащишь... меня... отсюда. Без меня тебе... все равно... не выйти.

Да, поняла Арлетт, это логично. Если среди пыточных инструментов нет ничего, чем можно взломать железную дверь - а они рассчитаны на мягкую человеческую плоть, а не на металл - то без знания кода ей отсюда не выбраться.

- Ладно, - согласилась она.

Оставляя на полу широкую кровавую полосу, он дополз до двери и, отталкиваясь руками, принялся выгибать свое тело вверх, пытаясь дотянуться до ручки. Зрелище было мерзкое - у Арлетт возникло ощущение, что она смотрит на какого-то огромного полураздавленного червяка. И эта тварь мнила себя господином, повелевающим покорными рабынями! Впрочем, рассуждая по справедливости, с таким ранением и самый достойный и благородный человек выглядел бы не лучше...

Вот только достойный и благородный не получил бы такое ранение. Во всяком случае - таким образом.

Хантер наконец ухватился за круглую ручку одной рукой, затем вцепился второй и стал подтягивать себя выше, чтобы дотянуться до кодовой панели. Прогнутая поза раздирала его рану, и он заорал от боли.

- Развернулся бы спиной к двери, легче было бы, - брезгливо посоветовала Арлетт.

- С-советчица с-сучья... - простонал он, тыкая пальцем в кнопки. С первого раза он, очевидно, промахнулся, пришлось вводить код снова. Наконец замок щелкнул (если Арлетт разглядела правильно, код был что-то вроде 1291, но тот, что от верхней двери, наверняка был другой). Хантер обессиленно сполз на пол, затем лежа распахнул дверь - она открывалась наружу направо - и пополз внутрь. Со своего места Арлетт не могла разглядеть, что находится внутри - ясно было только, что там темно. Ну да, логично - очевидно, с пола было не дотянуться до выключателя. Оставалось надеяться только, что этот тип сумеет отыскать ключ в темноте и достать его.

Что, однако, еще он может там найти? Да какая разница - хоть телефон (он сам сказал, что они здесь не ловят, и, скорее всего, не соврал), хоть оружие и боеприпасы, ничто из этого его уже не спасет. Спасти его может только помощь Арлетт. Вот уж и в страшном сне она не могла представить, что придется помогать такому ублюдку - но что поделать, пока она не знает кода, а ему нужно вызвать "скорую", выжить они могут только вместе.

Ноги Хантера втянулись за дверь, и она закрылась, очевидно, увлекаемая пружиной (но на сей раз без щелчка - замок оставался открытым). Не было его довольно долго, и Арлетт начала беспокоиться, что он отрубился там, внутри. Она даже покричала: "Эй, ты живой там еще?" - но не получила никакого ответа. По всей видимости, дверь не пропускала звуков. Должно быть, мрачно подумала Арлетт, она специально сделана так, чтобы заглушать любые крики изнутри...

А что, если у него там не бесполезный телефон, а компьютер, подключенный к интернету? И если через него он уже вызвал помощь, только никакую не "скорую", а своих подельников? Которые первым делом тут все зачистят (ну то есть понятно, *кого* именно они зачистят), а потом, так и быть, отвезут своего сообщника в больницу, где расскажут историю про неизвестного преступника, стрелявшего в него за много миль отсюда...

Нет, с облегчением поняла Арлетт, обдумав эту версию - не сходится. Психологический профиль не тот. Эти пафосные мегаломаньяческие речи. это позерство и самолюбование, вся эта

игра с револьвером - он наверняка одиночка. Член банды, поставляющей девушек для подпольных борделей, вел бы себя совершенно не так.

Однако, если он там все-таки загнулся от потери крови, ей это мало поможет.

Но, наконец, дверь приоткрылась снова, и перемазанный кровью человек-червяк стал выползать обратно. Сперва из-за двери показались его руки (неожиданно голые - видимо, рукава он употребил для перевязки), причем правый кулак что-то сжимал, потом - голова, потом - плечи (ну точно - рукава были оторваны, а может, и отрезаны). Когда он оказался в поле зрения Арлетт по пояс, он махнул правой рукой в ее сторону. Что-то небольшое звякнуло возле ее ног. Арлетт тут же подгребла ключик пяткой и перехватила его в руку (разряженный револьвер она уже давно положила на пол). Торопливо нащупала замок ошейника, вставила ключ, повернула, до последней секунды иррационально ожидая подвоха - в котором ее враг уже совсем не был заинтересован.

Однако замок щелкнул, и даже два раза. Первый поворот ключа задвинул металлический штырь, на котором держалось последнее звено цепи, а второй разомкнул и сам ошейник. Остроумная конструкция, позволяющая пристегивать рабыню к разным цепям, не снимая ошейника... Арлетт с отвращением сбросила оковы. Они упали с глухим лязгом.

Ключ она машинально сунула в карман джинсов. Не то чтобы она думала, что когда-либо ей снова придется иметь дело с этим ошейником, но рефлекс требовал взять ключ от него себе и не оставлять врагу.

- Теперь помоги мне... добраться... до верхней двери, - потребовал Хантер.

- Отнести тебя на ручках, как маленького мальчика? - усмехнулась Арлетт, поднимаясь с пола. Разряженный револьвер она сунула за пояс - все из того же рефлекса "не оставлять оружие врагу". - Ты довольно тяжелый, - он не был таким уж здоровенным амбалом, а она была достаточно рослой девушкой в неплохой физической форме, но все-таки в нем было никак не меньше 190 фунтов, а она свою форму поддерживала долгими пешими прогулками и велосипедом, а не переноской тяжестей. Но главное, чем ей не нравилась идея волочь его на себе наверх - он мог все-таки чем-то вооружиться в своей камере пыток, и, как только она дотащит его до кодового замка, благодарно воткнуть ей это "что-то" под ребра или в горло. Можно, конечно, сперва тщательно обыскать его, даже полностью раздеть (Арлетт брезгливо поморщилась) - но даже это не гарантия, он может вцепиться ей в горло и голыми руками, которые у него, таки да, все еще сильные. - Просто скажи мне код, а заодно адрес, и я пойду и вызову помощь, - сказала она вслух. - Это выйдет куда быстрее, чем тащить тебя, а у тебя каждая секунда на счету.

- Нет! Ты обещала! Читерша... если я скажу... ты бросишь меня здесь...

У нее действительно было большое искушение сделать это, но закон запрещает добивать раненых, даже раненых преступников. То есть, по закону, она бы имела полное право оставить его подыхать, если бы он пострадал от чьих-то еще рук[3] - но это она стреляла в него, и это резко меняет дело. Пока что ее выстрел - законная самооборона, но если она бросит его без помощи и скроется с места происшествия, тогда, если его найдут - а рано или поздно его найдут - у нее будут большие проблемы. Здесь полно ее следов, а пока она дойдет до выхода, их станет еще больше - отпечатки пальцев ног, между прочим, так же индивидуальны, как и у рук... Нет, надо все делать по закону. Пускай его наказывает суд.

- Я собираюсь сдать тебя полиции с рук на руки, - ответила она. - Это в моих интересах так же, как и в твоих. Потому что в этом случае ты останешься жив.

- Нет! Вытащи мена наверх... и... уходи. Ты не пойдешь в полицию... а я скажу, что стрелял... неизвестный грабитель... которого я... не успел рассмотреть. А иначе... тебя посадят... за покушение на убийство. Ты ничего... не сможешь им доказать... я уже говорил...

---

[3] По американским юридическим нормам, неоказание помощи человеку, за которого ты не несешь ответственности, не образует состава преступления.

- Если ты в этом так уверен, почему не хочешь, чтобы я обратилась в полицию? - усмехнулась она. - Ладно, у тебя нет времени на споры! Говори код и адрес, пока ты не истек кровью! И где твой телефон! Мой ты, конечно, уничтожил, чтобы не отследили, - констатировала она и решительно направилась к лестнице, показывая, что не намерена препираться и дальше.

- Хотя бы помоги мне... с перевязкой. Я пытался, но... все растрепалось...

Да, вот это уже было логично. Сначала перевязать его настолько хорошо, насколько возможно, а уже потом отправляться на поиски телефона. Она спустилась с нижней ступеньки лестницы и быстро подошла к нему.

Его ноги все еще не давали закрыться двери, в проеме за которой царил мрак неосвещенного подземелья. Могло ли там быть что-то полезное - скажем, аптечка? Ну, если он пытал своих рабынь не до смерти (а это, видимо, было так, иначе он не добивался бы "добровольного" согласия на рабство) и был заинтересован в том, чтобы они скорее оправились для новых пыток? Вряд ли - тогда бы он или уже воспользовался ею сам, или сказал бы об этом Арлетт. Так что, не тратя драгоценного времени на бесполезные поиски - даже на поиски выключателя - девушка присела над раненым врагом.

Его перевязку она не видела - очевидно, он догадался сделать таковую под рубашкой, чтобы повязка не съезжала, когда он ползет. Арлетт перевернула его на спину (и впрямь тяжелый, черт!) и быстро расстегнула намокшую от крови рубашку. Да, он действительно обмотал живот рукавами, а поверх затянул брючный ремень. Вопреки его заявлению, все это неплохо держалось (благодаря ремню, конечно же), но при таком ранении этого недостаточно, надо сделать тампонаду раны - запихать скрученную ткань (раз уж больше нечего) внутрь. Целый рукав для этого слишком велик, нужно оторвать или вырезать подходящий кусок... чем он все-таки отрывал рукава - руками или инструментом? Арлетт, не задавая вопросов - про инструмент он мог и соврать - торопливо охлопала его карманы. Ничего колюще-режущего там не обнаружилось (если только он не засунул таковое в задницу, подумала она с усмешкой - а ведь в принципе мог, тем паче что сейчас он ниже пояса ничего не чувствует... впрочем, он со своим мачизмом, вероятно, счел бы это ниже своего достоинства) - зато в кармане брюк нашелся чистый платок. Ага, то, что надо!

Когда она заталкивала импровизированный тампон в рану (из которой вполне ощутимо несло дерьмом), Хантер снова громко застонал, кусая губы.

- Терпи, урод, - проворчала Арлетт. - Это самое малое из того, что ты заслужил. Скольких девушек ты заставил стонать, а? - а затем, осознав, что ее фраза прозвучала двусмысленно, добавила: - И совсем не от удовольствия!

- Они... сами... согласились.

- А то я не знаю, какими средствами ты их "убеждал"!

- Низкие твари... лишены достоинства... нужен Хозяин...

- Поговори мне еще! - она снова завязала рукав, затем затянула ремень. - То есть говори, но не эту чушь. Код говори, козел!

Он начал отвечать, то и дело срываясь на стон - но не на тот вопрос, который она задала:

- Телефон - ммм! - в комнате наверху - ммм! Как поднимешься, налево - ммм! - выйдешь из шкафа - ммм! - тумбочка рядом с кроватью - ммм! - верхний ящик - ммм...

- Ладно, про телефон поняла, код двери какой?!

И тут она поняла, что различает позади какое-то негромкое побрякивание. И что маньяк в последнюю минуту говорит и стонет все громче - вероятнее всего, не от боли, а чтобы заглушить этот звук.

- БЕЙ ЕЕ!!! - заорал Хантер что было сил, но опоздал всего на секунду. Или на целую секунду - которой Арлетт хватило, чтобы вскочить, разворачиваясь в прыжке. Рука словно сама собой рванула из-за пояса разряженный револьвер - с такой скоростью, что ковбои из вестернов

могли бы обзавидоваться.

Но ее новый противник не походил на бандита из вестерна. Прямо перед Арлетт стояла девушка, только что вышедшая из мрака неосвещенного помещения. Совершенно голая, в железном ошейнике и с цепью на лодыжках. Ее руки были свободны, но на запястьях темнели следы от веревок или кандалов, через ее маленькие груди тянулись горизонтальные красные полосы, бедра были в синяках, заживающих и свежих, живот на уровне пупка пересекала татуировка "PROPERTY"[4] а еще ниже, на выбритом лобке, багровело выжженное клеймо SLAVE.

Но ее лицо было Арлетт знакомо. Это была та самая, что заманила ее в ловушку. И тогда на ней не было никаких кандалов.

А сейчас она сжимала в руке какую-то круглую деревянную палку. Не бейсбольную биту, нет, намного тоньше. У Арлетт мелькнуло воспоминание о прочитанном или услышанном еще в детстве - старинном азиатском наказании ударами палками по пяткам. Вот, наверное, примерно такими палками это и делалось. Только сейчас, очевидно, целью были не пятки Арлетт, а ее голова.

Ну да, ну да. Классический штамп из триллеров - почти победивший герой стоит над поверженным злодеем, и тут сзади подкрадывается злодейский миньон, о котором все уже успели забыть.

Как видно, подумала Арлетт, некоторые рабыни маньяка стонали все-таки от удовольствия. Как ни далека была она сама от всей подобной тематики, существование мазохисток, конечно, не было для нее новостью.

Она не знала, можно ли такой палкой ударить с достаточной силой, чтобы вырубить человека, но, понятно, не собиралась это проверять. Голая застыла в испуге, уставившись на смотрящий ей в лицо ствол - и успех следовало развивать, пока она не задумалась, есть ли в револьвере патроны.

- Брось палку назад! - рявкнула Арлетт. - На колени! Руки за голову!

- Да, Госпожа... - лже-рейнджерка повиновалась со всей возможной поспешностью. Арлетт тем временем вспомнила о лежащем рядом маньяке, который теоретически еще мог схватить ее за лодыжки, и, не отрывая взгляда от новой противницы (которая демонстрировала полную покорность, но однажды Арлетт уже очень переоценила ее робость и слабость), ощупью поставила правую ногу на раненый живот лежавшего врага, прямо на только что сделанную перевязку. Переносить вес на эту ногу она пока что не стала, но предупредила: "Даже не думай рыпнуться, ублюдок!"

Стоявшая на коленях рабыня смотрела расширенными глазами на возвышавшуюся над ней Арлетт, попиравшую ногой ее Господина, перемазанную его кровью и наставившую на нее его оружие. "Пожалуйста, Госпожа, не наказывайте меня слишком сильно!" - пролепетала она, склоняясь до самого пола к ногам Арлетт и закладывая руки за спину. Ее светлые волосы рассыпались по полу, а в следующий миг никак не ожидавшая такого Арлетт почувствовала, как подельница маньяка целует ее босую ступню.

- Прекрати это! - Арлетт брезгливо отступила на несколько шагов назад и влево. Теперь оба - и маньяк, и его пособница - находились в поле ее зрения и можно было бы сказать - под прицелом ее оружия, будь оно заряжено. Впрочем, теперь оба ее врага выглядели одинаково жалко и беспомощно. Хотя девку все-таки не следовало недооценивать. Может, посадить ее на всякий случай на цепь, на которой еще недавно сидела сама Арлетт? Вот и ключик пригодится...

Впрочем, ей претила мысль хоть в чем-то уподобляться своему похитителю, хотя бы даже и имея для этого рациональные основания. Во всяком случае, голая уж точно не могла прятать оружие, физической силой ее тело тоже не впечатляло, да и драться (или бежать) ей помешали

---

[4] Собственность (англ.)

бы уже имеющиеся кандалы, в которых она могла разве что семенить.

- Говори код, урод, - вновь обратилась Арлетт к маньяку. - Она тебе уже не поможет! Я - твой последний шанс выжить!

Но маньяк молчал. Не иначе, после своего яростного выкрика, призванного стимулировать чересчур робкую пособницу, он потерял сознание (ну, или очень умело притворялся, хотя никакого смысла в этом для него уже не было).

- Эй, ты! - Арлетт вновь обратилась к его соучастнице, которая оставалась в прежней позе - лицом в пол рядом с телом своего поверженного повелителя. Теперь было видно, что и ее худенькая спина исполосована старыми и свежими рубцами. - Тебе говорю! - "надо же ее как-то называть", подумала Арлетт. - Подними голову и смотри на меня!

Та подняла голову, по-прежнему стоя на коленях с руками за спиной, но опускала глаза, избегая встречаться с Арлетт взглядом.

- В глаза мне смотри! - потребовала Арлетт, не желая покупаться на очередную демонстрацию робости и беспомощности.

- Мне нельзя...

- Что значит "нельзя"?

- Нельзя смотреть в глаза Хозяину...

- А я приказываю, - усмехнулась Арлетт. - Когда заманивала меня в парке, ты была не такой робкой, а?

Коленопреклоненная нерешительно подняла взгляд, словно каждую секунду ожидая удара за свою дерзость. Ее голубые глаза подрагивали, так и норовя уйти в сторону.

- Как тебя зовут? - спросила Арлетт несколько более мягким тоном.

- Рабыня.

- Я с тобой не в игры играю! - снова рассердилась Арлетт. - Как твое настоящее имя?

- Рабыня, моя Госпожа.

- Ладно, черт с тобой, - Арлетт задала более важный вопрос: - Ты знаешь код двери, ведущей наверх? Лучше не ври, или мы все здесь сдохнем!

Рабыня снова съежилась, будто ожидая удара, но ничего не сказала, опасливо косясь на недвижного маньяка.

- Говори! - окрик Арлетт прозвучал, как удар хлыста. Она уже поняла, что тут, похоже, работают только такие методы.

- Я... подсмотрела, - выдавила из себя рабыня и тут же торопливо добавила: - Только, пожалуйста, Госпожа, не наказывайте меня за это слишком сильно! - после чего испуганно зажмурилась.

- Вот уж за это - точно не буду! - усмехнулась Арлетт. - Говори, какой код.

- 137905.

- В твоих же интересах, чтобы это была правда, - Арлетт шагнула к лестнице, но затем передумала: - Нет, ты иди впереди и введи код сама.

После всех обманов, с которыми она уже столкнулась, Арлетт была уже готова подозревать очередную ловушку и здесь. Например, при вводе неверного кода человека, жмущего кнопку, бьет током. Или нечто опасное находится прямо за дверью, и надо выждать несколько секунд, прежде чем шагать наружу (тем паче маньяк что-то говорил про шкаф, а в шкафах обычно темно). Нет, все-таки лучше быть живым, целым и свободным параноиком, чем сидящим на цепи добрым самаритянином.

Рабыня послушно пошла впереди нее, мелко семеня скованными босыми ногами. Она не спотыкалась и даже умудрялась идти достаточно быстро. Похоже, такой способ передвижения был ей давно привычен. Арлетт припомнила, что в парке она тоже шла похожей походкой, хотя тогда на ней и не было кандалов. Вот тоже был повод насторожиться, но мало ли кто как ходит...

Обе девушки поднялись по лестнице, и младшая ввела код. Замок щелкнул. Никаких

ловушек за дверью не оказалось, и даже в стенном шкафу не было совершенно темно, поскольку его наружная дверь оставалась приоткрытой.

Арлетт увидела то, о чем говорит маньяк - спальню, за окном которой сквозь полуприкрытые жалюзи зеленел лес, небрежно заправленную кровать и тумбочку рядом с ней. На тумбочке покоился небольшой кубический сейф.

- Возьми телефон в верхнем ящике, - потребовала Арлетт, следуя своей вновь обретенной паранойе.

- Мне нельзя.

- Что нельзя?

- Нельзя трогать вещи Хозяина. Особенно телефон.

- Он тебе больше не Хозяин. Теперь я - твоя Хозяйка. И я приказываю!

Арлетт уже поняла, что сейчас это - самый простой и действенный способ добиться нужного от этой особы. Мазохистка она или кто, игра это для нее или нет, может, она реально больная на всю голову - сейчас лечить ее некогда, главное, чтобы она делала то, что скажут.

Телефон оказался на месте, и никакие капканы и мышеловки (а также шипы с ядом кураре и что там еще могли бы придумать авторы бульварных романов) его опять-таки не защищали. Единственная защита была вполне ожидаемой - требование изобразить пальцем заданную владельцем загогулину для разблокировки. Но это не имело значения - 911 можно вызвать и с заблокированного смартфона.

"А надо ли это делать?" - вновь подумала Арлетт. Может, все-таки оставить этого подонка здесь подыхать, как он и заслужил? Он сам виноват, что уничтожил ее телефон (и, понятно, отнюдь не только в этом), а она вовсе не была обязана найти его собственный в каком-то ящике какой-то тумбочки. Даже и сейчас не поздно стереть с него свои отпечатки и сунуть его обратно. Скрываться она не намерена - как только доберется до города, пойдет в полицию (для ублюдка, конечно, будет уже слишком поздно). Никто не сможет предъявить ей претензий за то, что она не вызвала помощь к человеку, в которого стреляла, физически не имея возможности это сделать.

И даже если впадать в морализаторство, к чему рациональная Арлетт вообще-то не была склонна - мол, "ты же обещала!" - то обвинить ее все равно не сможет даже самый завзятый моралист. И даже не потому, что обещания, данные маньяку, ничего не стоят. Просто она обещала ему вызвать помощь, если он скажет код. А он свою часть сделки не выполнил, и более того - попытался убить ее (или обречь на еще худшую участь) руками своей сообщницы. Так что она ему ничего не должна ни с какой точки зрения

Правда, теперь у нее имеется свидетельница. Но эта свидетельница - сама соучастница похищения. Так что, даже оставляя в стороне всю эту хрень про рабыню, которая должна делать (и говорить) то, что велит Госпожа - с ней можно договориться на вполне разумной основе. Я не обвиняю тебя, а ты - меня.

Или это все-таки небезопасно? В каких отношениях на самом деле находились эти двое? То, как он обращался с ней - очевидно, но ведь она не пыталась бежать, хотя могла это сделать. Она знала код своей тюрьмы, и уж тем более она могла сбежать этим утром, когда он прятался под брезентом в машине, а она находилась снаружи вне поля его зрения и без всяких кандалов. Могла обратиться за помощью к Арлетт, мол, звоните в полицию - но вместо этого заманила ее в ловушку. Неужели она... - Арлетт даже мысленно споткнулась от нелепости такого слова в подобной ситуации - любит это чудовище и не хочет его смерти? Спрашивать ее напрямую сейчас, по-видимому, бесполезно - она ответит так, чтобы угодить "Госпоже". А потом возьмет и даст показания, что Арлетт сознательно не стала звонить, да еще и ее подбивала молчать об этом.

С другой стороны, если эта девка намерена выгораживать своего "Хозяина", тогда тем более необходимо, чтобы он сдох! Потому что иначе уже получится даже не "мое слово против его слова", как он утверждал, а "мое слово против слов этих двоих", и он вообще выйдет сухим

из воды, а ее обвинят в том, что она стреляла в человека, который ее вовсе даже не похищал, а вежливо пригласил в гости. А если просто дать ему сейчас загнуться там, внизу, то потом всегда можно сослаться на стресс и шок. Мол, да, телефон видела и даже держала в руках, но не сообразила, что в экстренную службу можно позвонить даже с заблокированного. Да, там на экране есть надпись Emergency Call, но вот не разглядела, меня вообще всю трясло, вас бы на мое место... Или "случайно" выронить телефон из рук ("всю трясло", да!) в надежде, что он разобьется.

И все-таки Арлетт не нравилась идея юлить и давать ложные показания. Особенно при наличии свидетельницы, способность которой к рациональному поведению, мягко говоря, сомнительна. Да и с рациональной точки зрения та, вообще-то, заинтересована в том, чтобы подорвать к ней доверие - на тот случай, если Арлетт все же обвинит ее в похищении... Уж в скольких триллерах обыгрывали ситуацию, когда герой решает соврать в мелочи, чтобы обеспечить торжество справедливости в главном - а в итоге запутывается по полной!

А кроме того, были ведь и другие девушки. И показания живого маньяка могут пролить свет на их судьбу. Если они мертвы, то, конечно, эта правда едва ли утешит их близких, которые, быть может, еще лелеют надежду на их возвращение. Но, наверное, лучше все-таки точное знание, чем неопределенность. Пожалуй, если бы у самой Арлетт была сестра или близкая подруга, попавшая в лапы такого монстра, она сама предпочла бы узнать, что та, по крайней мере, больше не страдает, чем подозревать, что та месяц за месяцем, год за годом живет жизнью такой вот... рабыни.

Ну и, наконец, с усмешкой подумала Арлетт, уже вечереет, и, при всей ее любви к долгим прогулкам, добираться пешком восемь миль по ночному лесу без GPS и даже без компаса как-то не хочется. Особенно если не удастся найти ее кроссовки, а обувь маньяка ей слишком велика. А вот полиция отвезет ее домой с ветерком. Впрочем, есть же машина, на которой ее привезли сюда...

- Ты знаешь, где ключи от его машины? - спросила Арлетт.

- Он держит их в сейфе вместе с оружием.

- А код от сейфа ты случайно не подсмотрела?

- Мне нельзя...

- Давай опустим эту часть и перейдем сразу к коду, - с усмешкой перебила Арлетт.

- 26047... только я не уверена, последняя 8 или 9.

- Да ты прямо золото, а не рабыня, - пробормотала Арлетт и принялась поворачивать колесики сейфа. - Вот почему рабство было исторически обречено.

Увы - на сей раз она, видимо, поспешила с выводами. Сейф не открылся ни с восьмеркой, ни с девяткой.

- Ты что же - соврала мне? - грозно обернулась Арлетт к рабыне. Та тут же рухнула на колени, закладывая руки за спину, словно демонстративно подставляя лицо и тело для ударов.

- Нет, Госпожа! Это то, что я видела, клянусь! Видимо, он... поменял код...

- Заподозрил, что ты подсмотрела?

- Я не знаю, что бы он сделал со мной, если бы заподозрил, - в ужасе затрясла головой рабыня. - Может быть, он просто делает это каждый раз, когда заводит новую... - она испуганно замолчала.

- Когда похищает новую девушку? А почему он тогда не сменил код подземелья?

- Может быть, не успел. Может быть, ждал, чтобы сначала вы признали себя его... - она явно боялась произнести слово "рабыня", говоря о своей нынешней "Госпоже". - Это воля Господина, я не смею о ней судить, - закончила она.

"И помнит же он все эти комбинации цифр, - подумала Арлетт. - Впрочем, он, наверное, выбирает какие-то значимые для него варианты. Конструирует их из телефонов, номера социального страхования, дат и всего такого. А вот как это все запоминает она?"

- Ты знаешь адрес этого места? - спросила она вслух. - И встань уже!

- Это дом в лесу, - ответила рабыня, поднимаясь. - Я... не знаю точно, где именно он находится. Правда не знаю! - торопливо заверила она, опасаясь, очевидно, новых обвинений во лжи. - Кажется, раньше он принадлежал службе рейнджеров, но потом там случилось какое-то сокращение, и его забросили. А Господин отремонтировал его и переоборудовал. Я не знаю, есть ли у него юридические права на это место. Это не официальное его жилье. Сам он говорил, что никто не знает, что здесь кто-то живет.

- Ты же ездила с ним на машине. В последний раз - сегодня утром, - Арлетт не удержалась от ехидной интонации. - И совсем не помнишь дорогу?

- Я лежала на полу с завязанными глазами. Он выпускал меня, только когда мы приезжали.

Ладно, подумала Арлетт. Видимо, по-любому надо звонить копам, и пусть они отслеживают звонок.

- А сигнализации на входной двери тут уж точно нет, - произнесла она с усмешкой.

- Есть, - возразила рабыня. - И камеры слежения в разных комнатах. Но все это вызывает не полицию, а его. Отправляет сообщения на его телефон.

- Раз ты так хорошо все тут знаешь, значит, ты жила не только внизу?

- Да, я должна была везде тут убираться и стирать его белье.

"Ну да, - подумала Арлетт, - в эпоху сексуальных извращенцев мы как-то стали забывать, для чего рабыни использовались в первую очередь."

- И готовить? - спросила она вслух, внезапно осознав, что после пережитого стресса хочет есть.

- Нет, этого он мне не позволял.

- Боялся, что отравишь? - усмехнулась Арлетт.

- Нет, просто тогда бы я могла украдкой есть то, что готовлю. А рабыня должна есть только ртом с пола и только то, что ей бросит туда Хозяин.

- Да уж... - пробормотала Арлетт. - Ну а что он сделал с моими вещами, ты знаешь? Телефон уничтожил, а остальное? Бумажник, ключи - и кроссовки заодно?

- Я не видела. Кроссовки, наверно, сжег... во всяком случае, так он поступил с моими туфлями. Рабыни не имеют права на обувь.

- Я не рабыня! - не удержалась Арлетт.

- Конечно, Госпожа! Я имела в виду, что он... Простите меня, Госпожа!

- Только не падай снова на колени! Я звоню 911. Но сначала давай кое-что все-таки уточним. Смотри на меня и не вздумай врать! - впрочем, Арлетт тут же подумала, что взяла неверный тон, и сейчас лучше действовать мягче. С телефоном в руке она уселась на кровать и сделала приглашающий жест, указывая на место рядом: - Сядь.

- Мне нельзя.

- Нельзя сидеть на его кровати?

- Вообще на мебели. Рабыня может сидеть и лежать только на полу. И то только когда разрешит Хозяин. Иначе она должна стоять на ногах или на коленях.

- Я разрешаю тебе сидеть на чем хочешь. Садись.

Рабыня несмело присела на краешек кровати.

- Теперь отвечай честно. Не пытайся мне угодить, говори все, как есть. Он похитил тебя точно так же, как и меня?

- Да.

- Пытал? - ответ на этот вопрос был написан на ее теле, но Арлетт все же задала его - как, очевидно, зададут в полиции и в суде.

- Да.

- Насиловал? - Арлетт невольно слегка понизила голос.

Рабыня потупилась.

- Да, - произнесла она еле слышно.

"Он все-таки не до конца убил ее гордость", - поняла Арлетт. - Часто? - спросила она вслух.

- Почти каждый день.

- Так какого же черта ты ему помогала?! - взорвалась Арлетт. - Ты хотела, чтобы и со мной было все то же самое?!

- Простите меня, Госпожа! Он сказал, что отпустит меня, если я... обеспечу себе замену. А если я потом пойду в полицию, то сяду как соучастница.

Это и была третья, самая надежная гарантия безопасности Хантера.

- Ты могла просто сбежать от него! - воскликнула Арлетт. - Там, в парке! Ты могла предупредить меня, у меня был при себе телефон, я бы сразу вызвала копов! И даже уже здесь, внизу, ты пыталась напасть на меня! Да, конечно - это он тебе велел, но ты же видела, что он ранен и беспомощен, и ты знала код, то есть могла выйти отсюда и без него! Тебе надо было бить той палкой его, а не меня!

- Рабыня не может ослушаться своего Господина, - тихо пролепетала ее предшественница. - А если она только попробует... вы не представляете, что бы он со мной сделал. Однажды он специально дал мне возможность сбежать, чтобы проверить, оправдаю ли я его доверие. А когда я не оправдала... - она замолчала, закрыв лицо руками.

- Ну-ну, не плачь, - неумело попыталась утешить ее Арлетт. - Это все уже в прошлом.

- Я не плачу! - возразила рабыня, торопливо опуская руки. - Мне нельзя плакать! Он говорил, девки становятся некрасивые, когда плачут. Поэтому он наказывал меня каждый раз, когда я...

- Ясно, - вздохнула Арлетт. Она ни в малейшей степени не оправдывала эту покорность, сама бы она боролась до последнего вздоха, готовность к чему уже продемонстрировала, и уж точно не стала бы подставлять ни в чем не повинного другого человека. Но, по крайней мере, теперь она могла понять мотив этой несчастной. Которую низвели до уровня даже не просто рабыни, а дрессированного животного, выработали рефлекс, как у пресловутой собаки Павлова: неповиновение - боль. - И тебя тоже помогла похитить другая девушка?

- Да.

- И он отпустил ее?

- Во всяком случае, я ее больше не видела.

- Это еще не значит, что она жива, - Арлетт решила слегка надавить, вытесняя один страх другим. - И не значит, что он собирался отпустить тебя. Он только *говорил*, что отпустит. Кстати, он ведь этого и не сделал! Даже когда ты выполнила свою... задачу.

- Ну... вдруг бы вы... выбрали второй вариант. Тогда бы ему потребовалась... новая...

- И ты бы помогла похитить еще одну девушку, зная, что одна уже умерла по твоей вине, - это был уже не вопрос, а констатация.

- Госпожа, только не наказывайте меня слишком сильно! - рефлекс явно подталкивал ее упасть на колени, но, сидя на кровати, она не могла этого сделать и лишь низко склонила голову, словно кладя ее под топор палача.

- Сколько тебе лет? - спросила Арлетт.

- А какое сегодня число?

- 27 мая.

- Значит, восемнадцать. Мой день рожденья был 3 мая.

Она оказалась еще моложе, чем думала Арлетт. Впрочем, при той жизни, что она здесь вела, удивляться следует скорее тому, что у нее нет седых волос. А может, и есть, просто у блондинки незаметно...

- А тебе уже было шестнадцать, когда он тебя похитил? - это был возраст согласия в

штате.

- Да.

Жаль, подумала Арлетт, за изнасилование несовершеннолетней ему бы накрутили дополнительный срок - и тут же одернула себя: о чем я жалею? О том, что эта девочка не попала в лапы к этому монстру еще раньше, совсем ребенком?

- А как его зовут, ты знаешь? - спросила она.

- Господин.

- Нет, я про имя в его документах, - терпеливо пояснила Арлетт.

- Не знаю. Я их никогда не видела. Когда я стирала его вещи, в карманах ничего не было.

- Но он действительно рейнджер?

- Вроде бы да. А может, бывший. Но на какую-то работу он ездил, все время здесь не сидел.

- И ты ни разу не видела бэйджик на его рубашке?

- Наверное, он его снимал, приходя сюда.

- Ладно, слушай меня, - веско сказала Арлетт - Я не буду выдвигать против тебя обвинение в пособничестве похищению. Скажу, что на меня набросились сзади, когда я прошла мимо его машины, и все, что я успела заметить - руки в перчатках, которые прижали мне к лицу тряпку с хлороформом или чем-то подобным. В общем-то, так все и было, только не снаружи машины, а внутри... А ты за это расскажешь в суде все, что он с тобой делал. Все без утайки. Тебе больше не нужно его бояться. Он больше не твой "Господин". Он подонок и ничтожество, смелый только с беззащитными девушками, и даже с ними - только тогда, когда они закованы в цепи, - кстати, эти цепи его и погубили, подумала Арлетт. Если бы он снял их со своей полностью покорной рабыни, та смогла бы подобраться к Арлетт сзади со своей палкой совершенно бесшумно. И - страшно подумать, что было бы дальше. А он бы заставил свою рабыню, ставшую теперь уже соучастницей и убийства, отвезти его в больницу и рассказал бы там всю ту же сказку про неизвестного грабителя или браконьера в лесу. Но он не пожелал отказываться от этого символа своей власти и ее унижения. "Рабыня всегда должна быть в цепях." В парке, конечно, ему пришлось их снять, но только не в подземелье. Подземелье - это его мир с его правилами. Ну вот по ним он и получил. - Теперь в цепях будет он, - продолжала Арлетт вслух. - Он уже никогда до тебя не доберется. Мы упрячем его в тюрьму до конца жизни - особенно если удастся найти предыдущих жертв, - жаль, подумала Арлетт, что нельзя упечь его в какой-нибудь средневековый каземат, где он и в самом деле оставался бы в кандалах до конца своих дней. Слишком уж гуманно современное правосудие, забывшее справедливые древние принципы "око за око" и "каждому - по вере его". Гуманизм к преступнику - это всегда жестокость по отношению к его жертвам... Впрочем, если он и в самом деле получил пулю в позвоночник, то, возможно, останется до конца своих дней инвалидом, а это даже похуже, чем железные оковы, в которых хоть как-то можно ходить... А может, он и вовсе уже сдох там, внизу. Или сдохнет до приезда "скорой". Или уже в больнице. Ладно, надо все-таки звонить копам, и пусть все идет по закону! - Ты все поняла? - заключила она вслух. - Сделаешь так, как я сказала?

- Да, Госпожа. Конечно, Госпожа.

Ну ладно, вздохнула про себя Арлетт. Пусть пока так - рабыня нашла себе вместо жестокого Господина добрую Госпожу, лишь бы делала, как ей говорят. А там уже пусть ее реабилитацией занимаются профессиональные психологи, а не вебдизайнеры-фрилансеры.

Она пробудила уже успевший вновь уснуть телефон и ткнула в Emergency Call.

- Меня зовут Арлетт Рокстон. Меня похитили. Я стреляла в похитителя, он тяжело ранен. Со мной еще одна похищенная девушка, у нее есть травмы, но ее жизнь вне опасности. Мы в доме похитителя в лесу, точного местоположения не знаем, предположительно он ранее принадлежал Службе лесов и парков. Похититель говорил, что он в восьми милях от ближайшего населенного пункта. Я говорю с телефона похитителя, он заблокирован, и я не могу

использовать другие его функции, кроме этого звонка.

Оператор задала несколько уточняющих вопросов и попросила оставаться на линии, пока определяют их местоположение. Затем сообщила, что полиция и скорая уже едут, но снова попросила не вешать трубку и немедленно сообщать о любых изменениях ситуации. Арлетт сказала, что так и сделает, и положила телефон на кровать.

- Они скоро будут здесь, - сообщила она рабыне и добавила: - Ты бы оделась, что ли. Если твоей одежды тут нет, то хоть в его шмотки, - цепь на ногах не позволила бы ей надеть брюки или хотя бы трусы, но по крайней мере рубашку подлинне́е...

- Рабыня не имеет права на одежду, - покачала головой та.

- В парке ты была одета, - усмехнулась Арлетт.

- В его одежду по его приказу. И потом он все равно наказал меня за это, хоть это и был его приказ.

"А теперь тебе то же самое приказываю я, и наказывать не буду!" - хотела воскликнуть Арлетт, но передумала. Если она уже отвыкла стесняться, пожалуй, даже лучше, если копы увидят ее в таком виде и со всеми отметинами на теле. Сразу поймут, что здесь происходило, что это не какие-то две прохиндейки сговорились оклеветать честного государственного служащего...

- Меня он, однако, не раздел, - заметила она вслух. - И это единственное, что можно поставить ему в плюс.

- Вы должны были... сами...

Ну да, ну да, усмехнулась про себя Арлетт. "Они сами согласились." Сукин сын очень осторожен. Снять с девушки обувь - это еще не тянет на сексуальное насилие, а одежду - это уже совсем другое дело. На суде он будет настаивать, что его рабыни все делали добровольно и чуть ли не сами упрашивали его заковать их в кандалы. Из-за того, что смертельно перепуганная девчонка под угрозой голодной смерти на цепи один раз "признала себя его рабыней", все дальнейшее переходит в категорию "с ее согласия"... Полная чушь, разумеется, и никакие подобные отмазки не пройдут у него даже близко. Арлетт как-то видела сюжет из серии true crime про маньяка, который заставлял своих жертв не только признавать себя рабынями устно, но и контракт соответствующий подписывать. Само собой, это лишь послужило дополнительной уликой против него, никакие подобные "контракты" не имеют юридической силы.

В сгущающихся сумерках за окном заметались красно-синие и красно-желтые огни[5].

Через некоторое время медики и полицейские вывели из дома двух босых девушек (младшая была закутана в одеяло, и на ее лодыжках все еще оставались браслеты кандалов, хотя саму цепь уже сре́зали большими полицейскими кусачками). Их повели к поджидавшей их машине "скорой помощи" - одной из двух прибывших. Они еще успели увидеть, как захлопываются задние двери второй после того, как внутрь погрузили носилки. Они не успели разглядеть, что именно лежало на носилках, но судя по тому, с какой скоростью машина, включив мигалки, покатила прочь по лесной дороге - там был не труп.

По делу было инициировано четыре судебных разбирательства - два уголовных: штат против Хантера Воррена (по обвинению в похищении, незаконном лишении свободы, сексуальном насилии, физическом насилии, насилии с обезображиванием тела, принуждении и угрозах[6]) и штат против Арлетт Рокстон (по обвинению в умышленном причинении тяжких телесных повреждений[7]) - и два гражданских: Воррен против Рокстон (иск о компенсации ущерба здоровью) и Рокстон против Воррена (иск о компенсации морального и материального

---

[5] Полиция и "скорая".

[6] В оригинале kidnapping, unlawful restraint, sexual assault, aggravated assault, aggravated battery by permanent disfigurement, coercion and criminal threats.

[7] В оригинале aggravated battery.

ущерба, причиненного похищением). Мисс Джэйлин Рид, проходившая как свидетельница по уголовным делам[8], подавать отдельный гражданский иск не стала. Попытки отыскать других свидетелей, готовых выдвинуть или поддержать обвинение против Воррена, остались безуспешными.

Все судебные разбирательства были отложены до тех пор, пока состояние здоровья мистера Воррена не позволило ему участвовать в заседаниях. Врачи спасли ему жизнь (что было совсем непросто), но вынесли неутешительный вердикт - исходя из современных возможностей медицины, отныне и до конца жизни передвигаться он сможет только в инвалидном кресле.

Дело "Штат против Хантера Воррена" слушалось первым. Гражданские разбирательства, как это обычно бывает в таких случаях, были отложены до окончания уголовных.

Штат против Хантера Воррена. Выдержки из стенограммы

Защита: Мисс Рокстон, при каких обстоятельствах вы познакомились с мистером Ворреном?

Рокстон: Он похитил меня, когда я гуляла в парке.

Защита: Можете ли вы описать подробно, как именно это происходило?

Рокстон: Я проходила мимо его машины. Он набросился на меня сзади и прижал к лицу тряпку, пропитанную веществом, от которого я потеряла сознание. Очнулась я уже сидя на цепи в его подвале.

Защита: Вы сказали, что он набросился на вас сзади. Следовательно, вы не видели лица человека, который это сделал?

Рокстон: Нет, но...

Защита: Следовательно, вы не можете утверждать, что этим человеком был мистер Воррен?

Рокстон: Кто же еще? Как бы иначе я оказалась в его подвале?

Судья: Мисс Рокстон, просто ответьте на вопрос.

Рокстон: Да, формально говоря, я не могу утверждать, что это был он.

Защита: Видели ли вы лицо мистера Воррена в машине или, возможно, рядом с ней непосредственно перед похищением?

Рокстон: Нет.

Защита: То есть вы не можете утверждать, что мистер Воррен вообще находился на месте происшествия?

Рокстон: (*вздох*) Нет.

Обвинение: Мистер Воррен, при каких обстоятельствах вы познакомились с мисс Рокстон?

Воррен: Мы познакомились в парке. Она потеряла свой телефон - должно быть, он выпал у нее из кармана - и попросила меня помочь ей в поисках.

Обвинение: Вы нашли телефон?

Воррен: Нет, но мы разговорились в процессе, и я пригласил ее домой.

Обвинение: С какой целью?

Воррен: Для участия в ролевой игре.

Обвинение: Какой именно ролевой игре?

---

[8] В американском уголовном судопроизводстве потерпевшие, участвующие в процессе, имеют статус свидетелей или "обвиняющих свидетелей" (complaining witness - это не то же самое, что "свидетель обвинения", который сам может и не быть пострадавшей стороной). Они обычно не именуются потерпевшими/жертвами (victim), поскольку сам факт, что они в действительности являются таковыми, еще надлежит установить в ходе процесса. В особенности термина victim избегает защита.

Воррен: Сексуальной игре в господина и рабыню.

Обвинение: Ранее вы не были знакомы с мисс Рокстон?

Воррен: Нет.

Обвинение: Ни лично, ни в интернете? Может, общались на каких-то форумах под псевдонимами?

Воррен: Нет.

Обвинение: И вы пригласили женщину, с которой познакомились несколько минут назад, к вам домой заняться с вами сексом, причем весьма специфическим?

Воррен: Ну... да. В баре ведь такие знакомства не являются чем-то необычным? Чем парк хуже?

Обвинение: Почему вы вообще решили, что она может согласиться на подобное предложение?

Воррен: Ну, она завела разговор, указывавший на ее интерес к теме - мол, а могут ли рейнджеры производить аресты, а доводилось ли мне арестовывать молодых женщин, заковывать их в наручники... Вот я и подумал, что она хочет того же, что и я, и незачем тянуть.

Обвинение: Согласно результатам судебно-медицинской экспертизы, мисс Рокстон - девственница. Едва ли она производила впечатление женщины, с легкостью вступающей в сексуальные связи.

Воррен: Ну, у девственниц тоже бывают сексуальные фантазии. Любая шлюха когда-то была девственницей.

Судья: Выбирайте выражения, мистер Воррен.

Воррен: Прошу прошения. Я вовсе не имел в виду, что мисс Рокстон - шлюха. Я просто к тому, что девственность, о которой я, кстати, не мог знать, сама по себе еще не доказывает отсутствия интереса к теме.

Обвинение: Вы предлагали мисс Рокстон деньги или иное материальное вознаграждение?

Воррен: Нет, конечно. Я же говорю, я вовсе не считал ее проституткой.

Обвинение: А если бы она отказалась поехать с вами?

Воррен: Я бы просто извинился и ушел.

Обвинение: Но она согласилась?

Воррен: Да.

Обвинение: И что было дальше?

Воррен: Я отвез ее ко мне домой.

Обвинение: Вы имеете в виду дом, принадлежавший Службе лесов и парков? Это не ваше официальное место жительства.

Воррен: Да, когда-то этот дом принадлежал Службе, но был снят с баланса и заброшен более 20 лет назад. Я отремонтировал его за свой счет. Некоторое время я действительно проживал там... не вполне легально, но впоследствии выкупил этот участок земли.

Обвинение: Через фирму-прокладку.

Защита: Протестую, ваша честь!

Судья: Прошу обвинение использовать более строгую терминологию.

Воррен: Да, я создал общество с ограниченной ответственностью специально для всех работ, связанных с этим домом. Мне просто удобнее было оформлять их через юридическое лицо. В этом нет ничего незаконного.

Обвинение: Эти работы включали не просто ремонт, как вы сказали. Вы существенно переоборудовали дом, выкопав и оборудовав подземные помещения, весьма напоминающие тюрьму с камерой пыток.

Воррен: Да, я использовал их для ролевых игр, о которых уже упоминал.

Обвинение: Кстати, на какие средства вы проводили все эти работы? На зарплату рейнджера?

Защита: Протестую, ваша честь! Материальное положение мистера Воррена не имеет отношения к делу. Он не обвиняется в финансовых махинациях.

Судья: Протест принят, вопрос снимается.

Воррен: Тем не менее, позвольте мне ответить. Я несколько раз удачно покупал и продавал криптовалюту, уплачивая соответствующий налог. Все мои доходы прозрачны.

Обвинение: В легальной БДСМ-культуре декларируются принципы добровольности и безопасности. Вы утверждаете, что придерживались принципа добровольности, а как насчет безопасности? Чаще всего инвентарь, используемый в ролевых играх такого рода, представляет собой лишь имитацию или смягченную версию настоящих пыточных приспособлений. Кандалы с мягкими прокладками, кнуты, не способные по-настоящему повредить кожу, и тому подобное. Однако все, что было найдено в этом вашем подземелье, чересчур реально, если можно так выразиться.

Воррен: Некоторые любят поострее. Мы взрослые дееспособные люди. В конце концов, и обычной вилкой можно выколоть глаз, а молотком раскроить череп. Это не делает хранение их незаконным, а хранящих их преступниками.

Обвинение: Основное предназначение вилки - подносить еду ко рту, а молотка - забивать гвозди. Поэтому хранение их не свидетельствует о склонности к насилию. А вот основное предназначение кандалов или плетей...

Воррен: Все, что я практиковал, даже то, что, как вы говорите, способно повредить кожу, по своим последствиям не страшнее тату или пирсинга. В любом случае, все это делалось с согласия моих партнерш.

Обвинение: Вернемся в день 27 мая. Итак, вы утверждаете, что мисс Рокстон согласилась поехать с вами?

Воррен: Да.

Обвинение: Она села в вашу машину по доброй воле?

Воррен: Да.

Обвинение: Вы усыпляли ее с помощью каких-либо химических веществ?

Воррен: Нет.

Обвинение: Связывали? Как-то ограничивали ее возможность двигаться?

Воррен: Нет. Ну, если не считать того, что я пристегнул ее ремнем безопасности.

Обвинение: Пристегнули? То есть она была не в состоянии пристегнуться сама?

Воррен: Я просто неудачно выразился. Я имел в виду, что я сказал ей "Пристегнись". Многие думают, что на лесных дорогах этого делать не надо, потому что скорость маленькая и врезаться не во что, но может сильно трясти на колдобинах, да и олень может выскочить...

Обвинение: Ладно. Значит, вы повезли мисс Рокстон в свой лесной дом, несмотря на то, что был рабочий день, и вы должны были исполнять свои обязанности.

Воррен: Именно поэтому я отложил основную программу на вечер. А пока только отвез ее домой, чтобы она ждала меня там.

Обвинение: Вы не побоялись оставить фактически незнакомую женщину в своем доме одну?

Воррен: Ну, она показалась мне достойной доверия, а главное - там сложно что-либо украсть. Везде кодовые замки и камеры наблюдения. В таком уединенном месте необходимы профилактические меры против воров, вы понимаете.

Обвинение: А может, вы не боялись оставить ее там потому, что она была прикована цепью в вашем подвале?

Воррен: Это была часть игры. Она могла уйти в любой момент. Я дал ей ключ от цепи.

Обвинение: Когда вы его ей дали?

Воррен: Сразу же.

Обвинение: Сразу, как только приковали ее?

Воррен: Да.

Обвинение: Она утверждает, что это произошло лишь после того, как она вынуждена была выстрелить в вас.

Воррен: Я не знаю, почему она это утверждает. Как и не знаю, почему она стреляла в меня. Если ей не понравилась наша игра, она могла просто уйти.

Обвинение: Уйти ей мешали не только цепь, но и кодовый замок на двери.

Воррен: Я сказал ей код. В конце концов, она ведь вышла оттуда, не так ли? Когда я лежал раненый, истекающий кровью и без сознания.

Обвинение: Мисс Рокстон утверждает, что выйти ей помогла мисс Джэйлин Рид, которую вы также удерживали в том же подземелье против ее воли.

Воррен: Еще раз повторяю - если это было против их воли, то каким же образом они вышли оттуда, когда я был без сознания?

Обвинение: Прежде, чем потерять сознание, вы выпустили мисс Рид из соседнего помещения, в котором она была заперта. Но сделали это не с целью освободить ее, а пытаясь заставить ее напасть на мисс Рокстон. Вы прямо приказали мисс Рид: "Бей ее!"

Защита: Протестую, ваша честь! Это все только утверждения мисс Рокстон, а не установленные факты!

Обвинение: Да, конечно. Я просто продолжал ранее начатую конструкцию "Мисс Рокстон утверждает, что..." Тем не менее, мистер Воррен, вы можете подтвердить или опровергнуть эти утверждения?

Воррен: Я уже плохо помню эти последние секунды, учитывая, в каком я тогда был состоянии. Да, вполне возможно, что я и в самом деле крикнул моей... мисс Рид, чтобы она ударила мисс Рокстон. Вы ведь понимаете, я только что получил пулю в живот и в позвоночник. И у меня были все основания рассматривать человека, стрелявшего в меня, как врага. Причем как врага, который все еще опасен, и которого необходимо нейтрализовать. Хотя, повторюсь, в том состоянии я уже мог действовать неадекватно.

Обвинение: Этот так называемый "враг" сделал вам перевязку, без коей, по мнению врачей, вы бы не дожили до прибытия "скорой". Которую, кстати, также вызвала мисс Рокстон. По сути, она спасла вам жизнь.

Воррен: Едва не отняв ее перед этим. А ходить я не смогу уже никогда... В любом случае, на тот момент я не мог знать ее намерений. Но имел все основания считать, что они - самые худшие.

Обвинение: Была еще одна причина, по которой мисс Рокстон не могла "просто уйти, когда пожелает". Точнее, даже две. Она находилась в лесу, вдали от города, не зная своего местоположения. А вы забрали и спрятали ее обувь. Обувь мисс Рид не найдена вовсе, хотя ее одежду полиция и нашла, также старательно спрятанной.

Воррен: Разумеется, я собирался вернуть ей обувь после окончания нашей игры. И согласитесь, что это недостаточно надежное препятствие, если бы я и в самом деле хотел удержать мисс Рокстон против ее воли. В конце концов, на дворе не зима, и девушка, желающая сбежать от маньяка, каким она меня изображает, могла бы сделать это и босиком. Что касается мисс Рид, то она вообще привыкла ходить босой. Кстати, то, что одежда мисс Рокстон оставалась на ней, лишний раз доказывает, что я не делал ничего такого, на что мои партнерши не соглашались сами.

Обвинение: Итак, вы утверждаете, что мисс Рокстон могла просто уйти в любой момент. Но вместо этого она выстрелила в вас. Психолог, беседовавший с мисс Рокстон после инцидента, характеризует ее как очень умную, рациональную, хладнокровную и уравновешенную личность, сохраняющую способность мыслить логично и действовать обдуманно даже в критических ситуациях. Она ничем не похожа на взбалмошную истеричку. Собственно, ее поведение после инцидента также это доказывает - она не пыталась скрыться с места происшествия, вместо этого

она оказала вам посильную медицинскую помощь и позвонила в экстренную службу. Анализ ее крови сразу после инцидента не выявил наличия алкоголя и наркотических веществ. Что же могло заставить столь здравомыслящую персону стрелять в человека, подставляясь тем самым под обвинение в серьезном преступлении, если этот человек, по вашим словам, не представлял для нее опасности и не удерживал ее силой?

Воррен: Я уже сказал - я не знаю. Я не могу отвечать за мисс Рокстон.

Обвинение: Но зачем вы дали ей заряженный револьвер, вы знаете?

Воррен: Это тоже была часть игры.

Обвинение: Вас не учили в детстве, что нельзя играть с оружием?

Защита: Протестую, ваша честь! Иронический тон и риторические вопросы здесь неуместны!

Судья: Протест отклонен.

Воррен: Ну, конечно, я сделал большую глупость. Но причины тут, конечно, не рациональные, а интимные, как, собственно, у всех этих игр как таковых. Вы понимаете, меня не возбуждает сразу же заполучить покорную рабыню, словно просто заказав ее в онлайн-магазине. Мне нужно было взять ее в плен, покорить, сломать сопротивление - все это, конечно же, в игровом смысле. А заряженное оружие - символ этого сопротивления. Она должна была по своей воле сдаться мне, капитулировать, сложить оружие и признать себя моей рабыней. В игровом смысле, повторяюсь.

Обвинение: И вы объяснили мисс Рокстон этот сценарий?

Воррен: Да.

Обвинение: Она утверждает, что вы сказали ей совсем иное. Что вы поставили ее перед выбором - стать вашей рабыней или умереть, причем все это отнюдь не в игровом смысле. Либо убить себя, либо убить вас и умереть на цепи самой.

Воррен: Я не знаю, почему она это утверждает. Но сами посудите, если бы я действительно был похитителем, маньяком и насильником, каким она меня пытается выставить - зачем бы я стал давать своей жертве не символическое, а совершенно реальное боеспособное оружие, да еще и специально демонстрировать ей, что оно заряжено? Если бы я хотел просто поиздеваться над ней - дал бы незаряженное, ведь так? Думаю, это очевидно любому здравомыслящему человеку.

Обвинение: Мисс Рокстон, интересовались ли вы когда-либо тематикой БДСМ?

Рокстон: Я даже эту аббревиатуру впервые услышала на этом суде.

Обвинение: Тем не менее, возможно вы, даже не зная аббревиатуры, проявляли интерес к сексуальным играм в доминирование и подчинение?

Рокстон: Нет, разумеется. Я вообще асексуальна, и меня это более чем устраивает.

Обвинение: Я имею в виду не только ваши личные интимные наклонности. Возможно, вы интересовались этой темой из простого любопытства, или у вас были друзья с такими склонностями?

Рокстон: Нет. Ну то есть, конечно, я знаю, кто такие де Сад и Захер-Мазох, но не более чем. Мне все эти извращения глубоко неинтересны и противны.

Защита: Вы только что назвали БДСМ-практики "извращением" и подчеркнули, что они вам противны. То есть вы испытываете неприязнь к людям с такими наклонностями?

Рокстон: Не настолько сильную, чтобы это вызывало у меня желание стрелять в них, если вы об этом. До тех пор, пока они не пытаются посадить на цепь меня. Или еще кого-нибудь, кто этого не хочет.

- Ну что? - Арлетт навалилась локтями на стол и требовательно уставилась на сидевшего напротив своего адвоката. - На сколько его удастся засадить?

Адвокат сплел персты над столешницей и покрутил большими пальцами один вокруг другого.

- На данный момент, - сказал он наконец, - я подчеркиваю - на данный! - наши перспективы видятся мне не очень хорошими.

- Когда врач или адвокат говорит "не очень хорошо", это значит, что дела хуже некуда, - криво усмехнулась Арлетт. - Но почему?!

- Нет, все не настолько плохо, - адвокат позволил себе улыбнуться. - Я не сказал, что мы проиграем процесс. Я просто не уверен, что мы его выиграем, и в особенности - выиграем с желаемым вами результатом. Видите ли, для присяжных сомнительными выглядят обе версии - наша и противной стороны. Слабость нашей версии в том, на что и упирает Воррен - если он маньяк, то зачем сам сознательно дал своей жертве заряженный револьвер? Если бы он хотел просто поглумиться над ней, дав ей ложную надежду - дал бы незаряженный.

- Я ведь уже объяснила. Именно потому, что он маньяк, а не просто преступник, действующий рационально. Потому что ему нужно было потешить свои комплексы и словить свою дозу адреналинового кайфа, прежде чем перейти к обычному кайфу насильника.

- Да, конечно. Но для присяжных такая версия выглядит... слишком театральной. Вы ведь понимаете, объяснением "да он просто псих!" можно подпереть любое сколь угодно шаткое обвинение. Поэтому его нельзя принимать всерьез без очень веских доказательств. Ну а слабость его версии тоже уже озвучена - если это была просто игра, то зачем вы стреляли? Притом, что как раз в вашей психической адекватности сомнений нет. Но в данном случае эта симметрия сомнений асимметрично работает в его пользу. Когда начнется процесс против вас, все будет наоборот. Сомнения всегда в пользу обвиняемого, вы знаете. Поэтому вполне вероятным исходом я вижу вердикт "не виновен" в обоих случаях. Юридическая логика отличается от обычной. С вашей точки зрения, из двух взаимоисключающих версий верна одна и только одна. Невиновность одного автоматически означает виновность другого. А с точки зрения закона недоказанными могут быть признаны оба обвинения. Потому и процессы разные.

- Да, я все это понимаю, - нетерпеливо произнесла Арлетт. - Но, по-моему, ситуация совершенно очевидная. Допустим, он успел избавиться от хлороформа и перчаток с его следами, у него было на это несколько часов, и ключ от цепи был в кармане моих джинсов, никто уже не докажет, когда именно он туда попал. Но я - далеко не первая жертва. А у него специально выкопанная подземная тюрьма с кучей пыточных инструментов.

- Вы знаете, как он это объясняет. И, к сожалению, вы допустили большую ошибку, высказав свою неприязнь к садомазохистам. Вам следовало ограничиться просто заявлением, что эта тема вам совершенно неинтересна. А теперь его адвокат за это уцепится, чтобы выставить вас, как ненадежного свидетеля. Все равно как если бы ключевым свидетелем против гомосексуалиста оказался гомофоб, или против черного - расист. Это даже не политкорректность, это простая юридическая логика - "свидетель предубежден против обвиняемого".

- Еще бы я не была предубеждена против него, когда он посадил меня на цепь! И собирался сделать куда худшие вещи. Ваши аналогии ложны. Черного ведь судят не за то, что он черный.

- Так и Воррена судят не за то, что он садист. А защита будет представлять вашу позицию как "свидетельница считает всех сексуальных садистов маньяками и насильниками". В то время как на самом деле у них целая субкультура с этими самыми принципами добровольности и безопасности...

- Это присяжные еще не слышали показания Джэйлин Рид!

- Да. Именно поэтому я и подчеркнул, что говорил только о ситуации на данный момент, пока не заслушаны эти показания. Это действительно наш главный козырь. Но, к сожалению, единственный. Никого из предыдущих жертв отыскать так и не удалось. За последние 20 лет в

городе и окрестностях было, к сожалению, не так уж мало исчезновений молодых женщин - ну, в больших городах это неизбежно чисто статистически. Хорошая новость - но, к сожалению, хорошая только в общечеловеческом смысле, а не в смысле интересов нашего процесса - состоит в том, что большинстве из них позже, в диапазоне от несколько месяцев до трех лет, возвращались домой. Ну, это обычное дело - девушка сбегает из дома с молодым человеком... иногда с не очень молодым, мужчиной заметно старше себя... позже, разочаровавшись в нем, возвращается обратно. Конечно, чаще всего такое случается с тинейджерами. Девушки за 20 обычно просто переезжают к своему бойфренду, не обрывая при этом все связи с родителями и другими знакомыми. Но бывает, что и они тоже, если с родителями имеется конфликт, или если они считают, что близкие их чересчур опекают и не одобрят их выбор. В общем, дело житейское, а не криминал. Примечательно, однако, что многие из этих вернувшихся вскоре уехали, одни или со своими семьями, подальше от этих мест. Но, опять же, никто из них никогда не обращался в полицию, в том числе и сейчас, когда мы призвали через СМИ всех, когда-либо пострадавших от действий Воррена, сделать это. Было также несколько раскрытых убийств и несчастных случаев. В четырех случаях пропавшие девушки так никогда и не были найдены ни живыми, ни мертвыми. Но нет никаких доказательств, что к исчезновению хотя бы одной из них причастен Воррен. Обыск его дома - обоих домов, того, что в лесу, и городской квартиры, где он проживал официально - никаких улик не выявил. Фото и видеозаписей предыдущих жертв на его личном компьютере тоже не обнаружено. Вероятно, он хранит их где-то в интернете в зашифрованном виде, а может, на флэшках, спрятанных где-то вне дома. Но это, опять же, недоказуемо. Так что у нас остаются только показания мисс Рид. Если она решится свидетельствовать против него.

- Она решится.

- К сожалению, в этом я тоже не уверен. Вы понимаете, после всего, что она пережила, у нее комплексное посттравматическое расстройство. Которое может сопровождаться такими симптомами, как выученная беспомощность, травматическая привязанность и так далее. Да, полгода спустя даже она сама может верить, что уже преодолела это в себе. Но стоит ей снова увидеть своего мучителя, хотя бы и на скамье подсудимых, стоит ему снова посмотреть на нее тем взглядом, который предвещал новые истязания - и он снова превратится для нее в Господина, которого она не смеет ослушаться.

- Она скажет все, что нужно, - уверенно заявила Арлетт.

- Надеюсь, вы не имеете в виду, что собираетесь давить на свидетельницу, - нахмурился адвокат.

- Нет, разумеется, - сдала назад Арлетт.

- Если мисс Рид подтвердит обвинение по всем пунктам, касающимся ее, то присяжные скорее всего признают его виновным по крайней мере по этим пунктам, даже если оправдают по тем, которые касаются вас. В этом случае он, несомненно, сядет. Но ваше желание упрятать его пожизненно, или на сопоставимый срок - учитывая, что сейчас ему 51 - к сожалению, малореалистично. Во-первых, доказуемых смертей на нем нет...

На самом деле смертей на Воррене было две, но об этом не знал никто, кроме него. Помимо той девушки, что застрелилась (ее тело никогда не было найдено), была еще одна, которая сказала, что у нее диабет, и он не сможет держать ее без инсулина. Он ответил ей с глумливой усмешкой, что это самая оригинальная выдумка на тему "пожалуйста-пожалуйста-отпустите-меня", какую он слышал до сих пор, но она и правда умерла. Понятно, что отпустить ее он не мог в любом случае, пока не был активирован ни один из трех его предохранителей. Ее тело было найдено в лесу (он особо и не пытался его прятать, и даже снова надел на нее обувь), но смерть сочли несчастным случаем. Больная диабетом девушка заблудилась в лесу, у телефона сел аккумулятор, не получила вовремя инсулин, впала в кому и умерла. Дело закрыто, никто не виноват.

- Во-вторых, ранее он к суду не привлекался, и серийным маньяком по единственному доказанному эпизоду - если предположить, что ваш останется недоказанным - его тоже считать нельзя... - продолжал адвокат.

- Хорош "единственный эпизод"! - не сдержалась Арлетт. - Он мучил и насиловал Джэйлин два года! Каждый день был для нее адом с первой до последней секунды!

- И тем не менее, - развел руками адвокат, - единственная доказанная жертва не образует серию, даже если в отношении нее преступление совершалось неоднократно. При всем при этом - да, даже по этому единственному эпизоду предъявленные ему обвинения достаточно тяжкие, и по совокупности в принципе тянут на несколько десятков лет тюрьмы. Но следует четко различать теоретически возможный максимум и реалистичную перспективу. По максимуму дают крайне редко, это обвиняемый должен уж очень постараться, в плохом для себя смысле, а Воррен не настолько глуп, чтобы производить плохое впечатление на суд. Обычно же наказание оказывается значительно ниже теоретического предела. Кроме того, на Воррена работает то, что он теперь инвалид. Не хочу сказать, что это непременно вызовет к нему жалость и сочувствие, учитывая характер инкриминируемых преступлений, но защита будет настаивать, что степень его общественной опасности в качестве похитителя и насильника теперь можно считать практически нулевой. Насколько я понимаю из медицинских документов, будучи парализованным ниже пояса, он теперь вообще ни на какой секс не способен, что для него наверняка хуже, чем тюремное заключение...

- Ларри Флинту[9] это не мешало, - пробурчала Арлетт. - И, как я слышала, самые жестокие маньяки получаются из импотентов, которые хотят, но не могут. В общем случае это, вероятно, неверно, но вот что женоненавистничество Воррена теперь возросло в разы, сомнений нет никаких.

- Кроме того, - продолжал адвокат, - защита будет подавать апелляции и добиваться пересмотра дела хотя бы по отдельным пунктам, что также может привести к сокращению срока, и даже к заметному его сокращению. И даже этот срок он сидеть до конца, вероятнее всего, не будет. Скорее всего, его выпустят по УДО за примерное поведение. Инвалиду в тюрьме довольно легко вести себя примерно, изобразить раскаяние у него ума хватит, а насчет его дальнейшей угрозы для общества я уже сказал. В общем, конкретные цифры в нашей системе прогнозировать рискованно - разброс может быть очень велик, но, с учетом всего сказанного и моего опыта, я не слишком удивлюсь, если он окажется на свободе, скажем, через семь, или даже через пять лет.

- Пять лет?! - задохнулась от возмущения Арлетт, которой изменило даже ее обычное хладнокровие. - Да даже за одну только Джэйлин, за каждый год, который она провела в рабстве у него, он должен сидеть минимум двадцать! Потому что ни в одной современной тюрьме с заключенными даже близко не творят того, что делал со своими узницами он!

- Тем не менее, данная мной оценка более вероятна, чем 30-40 лет без права на досрочное освобождение, на которые надеетесь вы, - заявил адвокат. - Были прецеденты, когда даже убийц, точнее, виновных в умышленном причинении повреждений, приведших к смерти[10], выпускали через два года... И, повторяю, даже это при том условии, что мисс Рид даст показания, которые позволят присяжным вынести обвинительный вердикт.

- Мистер Воррен, я ваш адвокат, и со мной вы должны быть полностью откровенны. Насколько опасны для нас показания этой Рид?

---

[9] Американский издатель порнографии, оказавшийся в инвалидном кресле после похожего ранения, но продолжавший вести распутную жизнь, используя фаллоимитатор.

[10] В оригинале manslaughter. От собственно убийства (murder) предумышленное manslaughter отличается тем, что, хотя повреждения наносились преднамеренно, цель именно убить при этом не ставилась.

Хантер некоторое время молчал, затем мрачно признал: - Она может меня уничтожить, - и почти сразу добавил: - Но она не осмелится.

- Не осмелится оклеветать вас, вы это имели в виду?

- Да, - криво усмехнулся Хантер, - именно это.

Адвокат ответил ему понимающей улыбкой.

- Эта сука Рокстон подговорила ее свидетельствовать против меня в обмен на то, что не стала обвинять ее в похищении, - продолжал Хантер. - Надо было мне сказать, что это Рид ее похитила... точнее, обманом завлекла в мою машину, а я был вообще ни сном, ни духом, я просто полагал, что она нашла нам третью партнершу для наших игр. Это бы означало, что, во-первых, я не похищал Рокстон, во-вторых, я не удерживал силой Рид, раз она свободно разгуливала по парку, а в-третьих, поставило бы под сомнения все дальнейшие показания Рид, поскольку было бы ясно, что она валит напраслину на меня, чтобы отмазаться от обвинения в похищении. Но вы меня отговорили.

- Потому что, во-первых, это неправда, и, помимо того, что я вообще не могу советовать моему клиенту лгать под присягой - обвинение бы эту ложь легко раскусило. Мисс Рид не знала дороги к вашему дому, следовательно, она не могла привезти туда мисс Рокстон сама - и даже сопровождать в этой поездке вас, сидя на пассажирском сиденье, тоже едва ли. Во-вторых, сейчас обвинение не может формально привязать акт похищения мисс Рокстон к вам - а тогда бы он оказался привязан к лицу, непосредственно связанному с вами. Даже если мисс Рид действовала без вашего принуждения, вы все равно могли оказаться ее соучастником. Ну и в-третьих, в этом случае мисс Рид была бы допрошена раньше, еще при рассмотрении эпизодов, связанных с мисс Рокстон, а это было бы нам крайне невыгодно.

- А то, что сейчас, нам выгодно?

- Сейчас присяжные сомневаются в версии обвинения. И для того, чтобы укрепить их сомнения, мы можем сделать сильный ход.

- Какой?

Адвокат сделал короткую паузу.

- Мистер Воррен, вы должны заявить в суде, что снимаете все претензии к мисс Рокстон и считаете все случившееся, включая ее выстрел в вас, трагическим недоразумением. Разумеется, это означает также и отзыв гражданского иска. Другая сторона в этом случае также отзовет гражданский иск.

- То есть инициатива исходит от этой суки Рокстон? И вы, вместе с ней, предлагаете мне просто взять и забыть, что она оставила меня инвалидном на всю оставшуюся жизнь?! Отказаться от возможности упрятать ее в тюрьму и содрать миллион долларов в обмен на то, что она не станет предъявлять мне претензии за сраный iPhone?

- Мистер Воррен, я понимаю ваше раздражение, но прошу вас не ругаться, а подумать логически. Вы же умный человек. Во-первых, у мисс Рокстон нет миллиона долларов, и шансы обвинительного вердикта на ее собственном процессе не так уж велики. И они упадут практически до нуля, если такой вердикт будет вынесен против вас. Так что, отказавшись от компромисса, вы и себя погубите, и ее никуда не "упрячете". Зато, если вы призна́ете произошедшее недоразумением, это снимет главную слабость нашей позиции - вопрос, почему умная, психически уравновешенная и во всех смыслах трезвая молодая женщина стреляла в человека, не причинявшего ей никакого вреда. Кроме того, отказавшись от претензий и признав часть своей вины - пусть это вина не в похищении, а лишь в том, что вы недостаточно ясно объяснили свои намерения девушке, которая, в силу своей асексуальности и отсутствия интереса к теме, вообще не понимала, о чем речь - вы свидетельствуете против собственных интересов, а присяжные такое любят. Сами понимаете, когда человек сам признает свои ошибки, это звучит гораздо более убедительно, чем когда он настаивает, что виноваты все кругом, кроме него. И нам очень важно произвести это благоприятное впечатление еще до выступления мисс Рид. Тогда,

даже если эти показания будут для нас неблагоприятны, присяжные, возможно, будут выслушивать их с несколько большим скепсисом, а у нас появится хороший шанс на вердикт "не виновен" хотя бы по пунктам обвинения, связанным с мисс Рокстон.

- Но она-то свои претензии не снимет!

- Мисс Рокстон не может изменить показания, уже данные ею под присягой. Да и не должна этого делать, поскольку искренне была убеждена, что от вас исходила реальная опасность. Что же касается показаний мисс Рид, то у меня есть основания предполагать, что, если вы откажетесь от претензий к мисс Рокстон, то эти показания могут стать для нас более благоприятными. Подчеркиваю - только предполагать! Мы не можем давить на свидетельницу или, тем более, предлагать ей сделку, предполагающую ее ложь под присягой. Но некоторые спорные моменты могут быть изложены в иной интерпретации, а некоторые подробности опущены, если обвинение не спросит о них прямо - а оно не спросит, если о них не знает... словом, вы меня понимаете. Еще раз подчеркну - я не могу давать никаких официальных гарантий, тем более я не могу давать их от лица мисс Рид, чьи интересы я не представляю, но в сложившейся ситуации озвученное мною предложение - это лучшее, что у нас есть.

Штат против Хантера Воррена. Выдержки из стенограммы

Воррен: Я хочу сделать заявление.

Судья: Пожалуйста, мистер Воррен.

Воррен: Еще раз тщательно обдумав все произошедшее 27 мая и вспомнив все детали, какие я смог вспомнить - ибо моя память о событиях того дня частично пострадала из-за пережитого мной физического и психологического шока - я пришел к выводу, что в действиях мисс Рокстон, стрелявшей в меня, нет никакой ее вины. Напротив, вина за этот инцидент лежит на мне, хотя я по-прежнему подчеркиваю, что не похищал мисс Рокстон, не удерживал ее силой и не причинял ей никакого физического вреда. Я виновен лишь в том, что недостаточно ясно объяснил ей свои намерения и сам, в свою очередь, неверно интерпретировал ее слова. Я полагал, что любая современная девушка знает, что такое БДСМ, независимо от того, интересны ли ей самой такие практики - а у меня возникло впечатление, что мисс Рокстон они интересны. Увы, я целиком и полностью ошибся, на самом же деле мисс Рокстон, в силу своей полной неосведомленности в данной теме, по всей видимости, вообще не поняла, о чем идет речь, и совершенно естественно приняла игровую имитацию за реальное насилие. Я понимаю, какой тяжелый психологический шок пережила мисс Рокстон в результате этого инцидента, и приношу ей за это свои искренние извинения. Я также дал команду своему адвокату отозвать гражданский иск, ранее поданный мною против мисс Рокстон.

Обвинение: Мисс Рид, согласно полицейскому рапорту, вы были обнаружены в доме обвиняемого обнаженной, в металлическом ошейнике и ножных кандалах. Поясните, кто заковал вас в цепи и лишил одежды.

Рид: Мистер Воррен. Но я сама согласилась на это. А разделась я сама.

Обвинение: Для того, чтобы снять с вас эти оковы, пришлось использовать специальные инструменты. Ключей от них у вас не было и вы не знали, где они находятся. Следовательно, вы не могли освободиться от них в любой момент, когда сами того пожелали бы?

Рид: Но я согласилась на то, чтобы меня держали в кандалах, которые я не могу снять сама. Такие были правила игры.

Обвинение: Согласно медицинскому освидетельствованию, на вашем теле, в том числе в области грудей, гениталий и ягодиц, были обнаружены многочисленные следы ударов и ожогов, нанесенных в разное время и разными способами. Кто нанес вам все эти травмы?

Защита: Протестую, ваша честь! Слово "травмы" слишком сильное и применимо не ко

всем этим отметинам.

Судья: Протест отклонен.

Рид: Это делал мистер Воррен. Но я сама просила его наказывать меня.

Обвинение: Среди отметин на вашем теле имеется татуировка "PROPERTY" и выжженное клеймо "SLAVE". Их также нанес мистер Воррен?

Рид: Да.

Обвинение: Вы просили его об этом?

Рид: Нет.

Обвинение: Следовательно, они нанесены вопреки вашей воле?

Рид: Нет.

Обвинение: Поясните.

Рид: Я согласилась, чтобы он делал со мной все, что захочет.

Обвинение: Но он не спрашивал вашего согласия на нанесение конкретно этих надписей?

Рид: Он и не должен был.

Обвинение: Пожалуйста, ответьте на вопрос прямо.

Рид: Нет.

Обвинение: Вы имеете какие-либо претензии к мистеру Воррену по поводу нанесения этих надписей? По поводу их содержания, местоположения или способов, которыми они были сделаны?

Рид: Нет.

Обвинение: Мисс Рид, вы понимаете, что эти надписи останутся на вашем теле на всю жизнь? И могут причинить вам дискомфорт, если вы, к примеру, захотите присутствовать на пляже или в бассейне в открытом купальнике?

Защита: Протестую, ваша честь! Обвинение давит на свидетельницу, пытаясь заставить ее изменить показания!

Судья: Протест принят.

Обвинение: Мистер Воррен применял какие-либо средства анестезии, когда клеймил вас? Или вообще при каких-либо действиях с вашим телом?

Рид: Нет, никогда.

Обвинение: Расскажите, когда и при каких обстоятельствах вы оказались в доме мистера Воррена.

Рид: Это было более двух с половиной лет назад...

Обвинение: Можете назвать точную дату?

Рид: 21 мая.

Обвинение: Следовательно, вы хорошо запомнили этот день? Он врезался вам в память как эмоционально значимый?

Защита: Протестую, ваша честь! Многие пары помнят день, когда они начали жить вместе. В этом нет ничего плохого или необычного.

Судья: Протест принят. Продолжайте ваш рассказ, мисс Рид.

Рид: Меня пригласила в гости к мистеру Воррену другая девушка, с которой он жил тогда.

Обвинение: Вы помните имя этой девушки?

Рид: Нет.

Обвинение: Продолжайте.

Рид: Мистер Воррен собирался расстаться с ней, и он предложил мне остаться жить у него.

Обвинение: В каком качестве?

Рид: В качестве постоянной партнерши по ролевым играм в Господина и рабыню.

Обвинение: Постоянной - вы имеете в виду 24/7?

Рид: Да.

Обвинение: И вы согласились?

Рид: Да.

Обвинение: До этого у вас уже был опыт подобных отношений?

Рид: Нет. Мне раньше и нельзя было, 16 только-только исполнилось.

Обвинение: То есть на тот момент вы были девственницей?

Рид: Да.

Обвинение: Вы были знакомы с мистером Ворреном до этого дня, лично или через интернет?

Рид: Нет.

Обвинение: И вы приняли столь радикальное предложение от практически незнакомого мужчины?

Рид: Да.

Обвинение: Мистер Воррен принуждал вас?

Рид: Нет.

Обвинение: Запугивал вас? Шантажировал? Угрожал вам смертью в случае отказа?

Рид: Нет.

Обвинение: Возможно, угрожал не вам лично, а вашим близким?

Рид: Нет.

Обвинение: Давал вам алкоголь или наркотики?

Рид: Нет.

Обвинение: Удерживал вас силой?

Рид: Нет.

Обвинение: Заковывал вас в цепи?

Рид: Да, но я сама согласилась на это.

Обвинение: Вы согласились до или после того, как он впервые заковал вас?

Рид: (*пауза*) До.

Обвинение: Согласно все тому же медицинскому заключению, следы на ваших лодыжках свидетельствуют о длительном постоянном ношении кандалов. Как минимум, речь идет о сроке в несколько месяцев. Можете ли вы назвать этот срок более точно?

Рид: Два года и шесть дней.

Обвинение: То есть все то время, что вы находились в доме обвиняемого? Все это время он держал вас в ошейнике и цепях?

Рид: Да.

Обвинение: Вы что же, за все это время ни разу не покидали дом?

Рид: Иногда Хозяин... то есть мистер Воррен выгуливал меня в лесу.

Обвинение: Вы говорите "выгуливал", словно речь о собаке.

Рид: Так он это называл.

Обвинение: Опишите, как это происходило.

Рид: Он сковывал мне руки за спиной наручниками, пристегивал к моему ошейнику цепь и вел меня в лес.

Обвинение: Он давал вам при этом одежду и обувь?

Рид: Нет.

Обвинение: То есть он водил вас нагую и босую, скованную по рукам и ногам, на цепи по лесу?

Рид: Ну, это же было вдали от туристических троп, никто не мог увидеть.

Обвинение: Он проделывал это только в теплое время года?

Рид: Иногда и зимой, но только на короткое время. Минут десять. Он не хотел, чтобы я заболела.

Обвинение: А вы болели, за все время пребывания в доме мистера Воррена?

Рид: Нет.

Обвинение: Вы упомянули наручники. На ваших запястьях тоже найдены следы, очевидно, в доме вас тоже заковывали не только в ножные кандалы?

Рид: Цепь на ногах и ошейник были всегда, а наручники только время от времени. Иногда он оставлял меня со скованными за спиной руками на несколько дней. В такие дни я все должна была делать ртом. Но это редко затягивалось дольше, чем на неделю. Я должна была убираться в доме, а швабру во рту не удержишь. Еще меня подвешивали за связанные руки и растягивали на дыбе, просто так и для порки, или чтобы развести огонь под моими подошвами. Еще Хозяин приказывал мне лечь на пол на живот, связывал мне руки и ноги за спиной, прикручивая лодыжки к запястьям, и оставлял в такой позе на несколько часов. Но мистер Воррен следил, чтобы веревки не повредили кровообращению. Также я могла провести больше суток в колодках на шее и на руках и на ногах.

Обвинение: Мисс Рид, обычно в играх подобного рода используется стоп-слово, которое позволяет участнику, исполняющему подчиненную роль, в любой момент остановить игру. У вас было такое стоп-слово?

Рид: Нет. Я согласилась играть без него.

Обвинение: Но вы могли покинуть мистера Воррена, когда пожелаете?

Рид: Да.

Обвинение: Тогда почему за два года вы этого не делали даже на время?

Рид: Не хотела.

Обвинение: Возможно, вы не хотели потому, что оставались голой, босой и в цепях, и вам было неловко появляться в таком виде перед другими людьми, да и сложно было добраться до них через лес?

Защита: Протестую, ваша честь! Обвинение давит на свидетельницу, уже давшую ответ на вопрос!

Судья: Протест отклонен.

Обвинение: Я уточню вопрос. Мисс Рид, могли ли вы потребовать - я подчеркиваю, не попросить, а потребовать! - чтобы мистер Воррен снял с вас кандалы, дал вам одежду и обувь и отвез вас в город, где позволил бы вам идти, куда вам вздумается?

Рид: Да.

Обвинение: И он обещал вам выполнить такое требование, если оно у вас возникнет?

Рид: Да.

Обвинение: Мисс Рид, вам известно, что вы два года числились пропавшей без вести? Почему за все то время, что вы жили с мистером Ворреном, вы не пытались связаться ни с кем из родных и знакомых?

Рид: Я написала матери, что я встретила мужчину своей мечты, и чтобы она не беспокоилась.

Обвинение: Да, единственное письмо в несколько строчек за два года без обратного адреса.

Рид: У этого дома нет почтового ящика.

Обвинение: Вы могли использовать официальный адрес мистера Воррена, откуда он периодически забирал почту, а также телефон, е-мэйл или видеосвязь через интернет. Или не могли? Мистер Воррен запрещал вам?

Рид: Нет. Я просто не хотела.

Обвинение: Не хотели общаться ни с подругами, ни даже с родной матерью?

Рид: Я боялась, что она не одобрит мой выбор и будет меня пилить за то, что я бросила учебу и все такое.

Обвинение: Мисс Рид, мистер Воррен занимался с вами сексом?

Рид: Да.

Обвинение: Это чаще происходило по вашей инициативе или по его?

Рид: Всегда по его.

Обвинение: Зачем же вы согласились играть роль его сексуальной рабыни, если не испытывали к нему полового влечения?

Защита: Протестую, ваша честь! Наша задача - не вторгаться в интимную сферу мисс Рид, а только установить, давала ли она добровольное согласие на секс!

Судья: Протест принят.

Обвинение: Так вы давали согласие на секс в каждом случае, когда таковой имел место? И спрашивал ли вообще обвиняемый вашего согласия?

Рид: Я уже сказала, я согласилась, чтобы он делал со мной все, что захочет.

Обвинение: Вы понимали, что это включает в том числе и секс?

Рид: Да.

Обвинение: То есть вы дали ему это свое универсальное согласие на любые действия, включая половые акты в любой форме, побои, клеймение, прижигание, постоянное содержание без одежды и в цепях и так далее, и после этого он делал все это, уже не спрашивая вашего мнения?

Рид: Он и не должен был. Таковы были правила игры.

Обвинение: Но вы могли отозвать это свое согласие?

Рид: Да.

Обвинение: Перейдем к событиям 27 мая сего года. Когда вы впервые увидели мисс Рокстон?

Рид: Я встретила... я увидела ее в подвале уже после выстрела, которого даже не слышала сквозь толстую дверь. Я находилась в соседнем помещении, когда туда вполз окровавленный мистер Воррен и сказал, что мисс Рокстон в него стреляла, и чтоб я взяла палку и ударила ее, пока он будет ее отвлекать.

Обвинение: Но вы не ударили?

Рид: Нет, я не решилась. Тем более, я видела, что мисс Рокстон делает мистеру Воррену перевязку. Тогда я и увидела ее впервые, а что было до этого, я не знаю.

Обвинение: А что было после этого?

Рид: Мистер Воррен потерял сознание, а мисс Рокстон велела мне вывести ее наверх.

Обвинение: То есть она не могла выйти самостоятельно? Она не знала код?

Рид: Может быть, знала, но забыла. Там шесть цифр, не так просто сразу запомнить. Тем более, такой стресс, стрельба и все такое. Собственное имя забудешь, не то что код.

Обвинение: Продолжайте.

Рид: Собственно, это все. Мы поднялись наверх, и мисс Рокстон нашла телефон мистера Воррена и позвонила в полицию.

Обвинение: Мисс Рид, помните, что вы даете показания под присягой. Пытались ли обвиняемый, его адвокат или, возможно, какие-либо третьи лица побудить вас изменить свои показания, будь то путем давления, запугивания, подкупа или каким-либо иным? Если вы опасаетесь за свою безопасность, закон обеспечит вам должную защиту.

Рид: Нет. На меня никто не давил.

Обвинение: Однако на предварительном следствии вы совершенно иначе оценивали действия мистера Воррена. Вы говорили, что все, что он делал с вами, было против вашей воли.

Рид: Ну... вы понимаете, я ревновала его к мисс Рокстон. Мне было очень обидно, что он, как я думала, собирался выгнать меня ради нее. Позже я, конечно, поняла, насколько глупым и недостойным было мое поведение, и теперь, под присягой, говорю только правду.

Судья: У защиты есть вопросы к свидетельнице?

Защита: Только один. Мисс Рид, имеете ли вы какие-либо претензии юридического

характера к мистеру Воррену?

Рид: Нет, не имею.

Заключительная речь защиты

Уважаемые присяжные! Вы слышали свидетельство мисс Рид, и к нему мне добавить нечего. Да, порой отношения между мужчиной и женщиной могут принимать достаточно причудливый характер, но до тех пор, пока все происходит между дееспособными совершеннолетними по взаимному согласию и без причинения существенного вреда здоровью - а таковой причинен не был, несмотря на определенную болезненность некоторых использовавшихся практик - это личное дело и законное право участников таких добровольных отношений. Но нам остается разрешить главную загадку этого процесса - вопрос о предполагаемом похищении мисс Рокстон. По пункту обвинения о незаконном лишении свободы мисс Рокстон мистер Воррен, как мне представляется, дал исчерпывающее объяснение: имело место трагическое взаимное недопонимание. Вина за таковое, безусловно, лежит на мистере Воррене, которому надлежало вести себя намного деликатнее и осторожнее, не следовало обращаться к незнакомой девушке с предложениями сексуального характера, а также, как совершенно справедливо отметил представитель обвинения, не следовало играть с оружием, особенно заряженным. Однако за эти свои ошибки мистер Воррен поплатился собственным здоровьем, и это более суровое наказание, чем может назначить ему любой суд. В описании событий 27 мая в доме мистера Воррена двумя ключевыми участниками процесса, я имею в виду его самого и мисс Рокстон, есть некоторые мелкие расхождения в деталях, но они полностью объяснимы тем серьезным шоком, который пережили оба участника событий - для мистера Воррена это был шок от физического ранения, для мисс Рокстон - от психологического потрясения. Понятно, что такой шок мог и, скорее всего, даже должен был вызвать некоторые аберрации памяти. В целом же принципиальных расхождений по фактам - подчеркиваю, по фактам, а не по интерпретации этих фактов участниками событий - между показаниями, данными обеими сторонами по поводу происходившего в доме, не имеется. Однако, как вы, вероятно, уже думаете про себя, никакими последствиями шока невозможно объяснить принципиальное расхождение в показаниях сторон по первому пункту обвинения, а именно по вопросу о предполагаемом похищении мисс Рокстон. Мистер Воррен утверждает, что беседовал с мисс Рокстон, помогал ей искать потерянный телефон, позже она по собственной воле села к нему в машину и поехала к нему домой. В свою очередь, мисс Рокстон утверждает, что некто, чьего лица она не видела, напал на нее сзади, когда она гуляла по парку, и лишил ее сознания с помощью вещества, подобного хлороформу - далее я буду для простоты говорить просто "хлороформ", хотя мы не знаем, что это было за вещество - после чего она очнулась уже в подвале мистера Воррена. Хотя мисс Рокстон не может утверждать, что нападение на нее было осуществлено мистером Ворреном или хотя бы в его присутствии, очевидно, что версии сторон совершенно несовместимы друг с другом, что наводит на мысль, что один из участников процесса лжет. Причем я готов согласиться с ранее выступавшим здесь представителем обвинения - версия мисс Рокстон выглядит более убедительной! Ибо трудно поверить, чтобы такая умная, здравомыслящая и уравновешенная молодая женщина, абсолютно не заинтересованная в сексуальных приключениях, по своей воле согласилась ехать домой к незнакомому мужчине, хотя бы даже и парковому рейнджеру. Если же она этого не делала, то каким образом она оказалась в доме у мистера Воррена, если не была им похищена? Кое-кто из вас уже, наверное, задумался - чей же я адвокат, мистера Воррена или мисс Рокстон? Но, хотя в данном процессе мы с ней и оказались по разные стороны, я хочу засвидетельствовать свое

глубокое уважение к этой отважной[11] молодой женщине, доказавшей свою способность действовать обдуманно и решительно даже в самых экстремальных ситуациях. Однако, будучи все же адвокатом мистера Воррена, я мог бы ограничиться констатацией, что моей целью, при рассмотрении данного пункта обвинения, является не доказать, что мисс Рокстон лгала под присягой, и даже не доказать, что этого совершенно точно не делал мистер Воррен, а всего лишь показать, что имеются достаточные основания сомневаться в версии обвинения о виновности мистера Воррена в похищении мисс Рокстон. И уже тот факт, что даже сама мисс Рокстон не может утверждать, что в парке на нее напал именно мистер Воррен - либо некое лицо, действовавшее в сговоре с ним - в принципе решает мою задачу. Но я намерен пойти дальше и разрешить наблюдаемое нами логическое противоречие. Итак, позвольте предложить вам версию, которая позволяет объединить оба варианта и показать, что, на самом деле, ни один из участников процесса не лжет! На мисс Рокстон действительно напал некий злоумышленник, пытавшийся вырубить ее с помощью хлороформа. Возможно, он хотел ее ограбить, о чем свидетельствует ее пропавший iPhone, возможно, его цели были еще хуже. Однако хлороформ действует не мгновенно, особенно на открытом воздухе, а мисс Рокстон, несомненно, сопротивлялась, поэтому преступник не успел довести свое намерение до конца. Что-то его спугнуло. Что же именно? Вероятно, это был звук приближающейся машины мистера Воррена. Преступник сбежал, и подъехавший мистер Воррен не успел его увидеть. Он увидел лишь сидевшую на земле мисс Рокстон и, естественно, подошел спросить, все ли у нее в порядке. Мисс Рокстон, успевшая вдохнуть значительную дозу хлороформа, благодаря своей сильной воле и действию адреналина все еще оставалась в сознании - но ее сознание было уже спутанным. Она сказала, что не может найти свой телефон, и что-то еще о напавшем на нее преступнике, которого необходимо арестовать - но, поскольку в этот момент она не могла выражаться достаточно ясно, мистер Воррен, у которого вид молодой привлекательной женщины пробудил его сексуальные фантазии, интерпретировал ее слова в приятном для себя ключе - мол, девушка хочет поиграть в арест. Он сказал ей что-то вроде "У меня есть дом в лесу, где раньше была база рейнджеров, едем туда" - а мисс Рокстон поняла это так, что ее приглашают проехать на базу рейнджеров, чтобы она дала показания, которые помогут задержать преступника. Далее действие адреналина закончилось, и мисс Рокстон, все еще находившаяся под действием хлороформа, впала в полудремотное состояние и вообще перестала слышать и понимать то, что объяснял ей мистер Воррен - насчет его игры, ключа от цепи и кода замка - а он принял ее неопределенное мычание, что-то, похожее на "угу[12]", за согласие. Далее он уехал на работу, а она окончательно заснула. Проснувшись, она не помнила совершенно ничего из того, что происходило после нападения. Обнаружив себя на цепи в незнакомом подвале, она совершено естественно сочла себя жертвой похищения, и действовала соответственно - как подсказывал ей ее блестящий ум и ее хладнокровный темперамент. В свою очередь, мистер Воррен принял ее требование освободить ее за часть игры. Вы ведь понимаете, особенность игр такого рода в том, что произносимые по ходу их реплики типа "нет, не надо, отпустите меня!" не воспринимаются всерьез. Поэтому, конечно, так важно получить осознанное согласие перед началом игры - но мистер Воррен ошибочно полагал, что уже получил таковое, и что мисс Рокстон помнит о ключе, который он ей дал, и может освободиться в любой момент, если действительно этого захочет. Дальнейшее вам известно. Уважаемые присяжные! Как видите, у нас есть не просто достаточные основания сомневаться в виновности мистера Воррена, но и целиком логичное и непротиворечивое объяснение того, что случилось в парке и далее в лесном доме. Таким образом, не только юридический принцип презумпции невиновности, но и элементарный здравый смысл, поклонницей которого является, в частности,

[11] В оригинале brave - более широкий термин, означающий не только "отважный", но и "замечательный, превосходный".

[12] В оригинале yeah

и мисс Рокстон, требует признать мистера Воррена невиновным по всем пунктам обвинения.

Присяжные удаляются на совещание.
По пунктам обвинения, касающимся Арлетт Рокстон, вердикт: **Не виновен.**
По пунктам обвинения, касающимся Джэйлин Рид, вердикт: **Не виновен.**

- Мне очень жаль, Арлетт, - сказал ее адвокат, остановившись у выхода из зала суда, - но я предупреждал вас, что так может случиться. Прошу вас, не вините эту несчастную девушку. Никто из нас даже представить не может, что два года пыток и унижений сделали с ее психикой.

- Да, я понимаю, - кивнула Арлетт. - Меня нельзя упрекнуть в том, что мне "легко судить, поскольку я не была на ее месте". Потому что как раз я-то на нем была - ну или, точнее, почти оказалась. Но я боролась и вырвалась, пусть и поставив на кон собственную жизнь, а она предпочла покориться.

- Ей было 16, когда ее похитили, - напомнил адвокат. - Вам - 24.

- Я бы и в 16 дралась до последнего... И тем не менее - я ее понимаю. Наверное, теперь ей уже даже самой легче считать, что она согласилась на весь этот кошмар по доброй воле. Ну что ж - мы сделали, что могли.

- В этом процессе я мало что мог для вас сделать - только давать советы между заседаниями, но не участвовать в них непосредственно, поскольку вы были лишь свидетельницей. Если начнется процесс против вас, там я уже смогу сделать больше. Но, скорее всего, теперь он уже не начнется. Это не победа Воррена, это ничья.

Он оказался прав. Коль скоро сам Воррен признал выстрел в него трагическим недопониманием, а не злым умыслом, прокурор, ведущий дело "Штат против Арлетт Рокстон", счел шансы на обвинительный вердикт ничтожными и предпочел снять обвинение, не доводя дело до суда.

Гражданские иски, по уже достигнутой договоренности между адвокатами, также были взаимно отозваны.

Был конец марта. Большинство лиственных деревьев в лесу еще стояли голые, но сочная свежая трава уже ярко зеленела поверх желтой прошлогодней, и на освещенных солнцем полянах важно паслись гладкие, лоснящиеся, успевшие уже отъесться с зимы сурки. Днем припекало уже практически по-летнему; к вечеру, конечно, от земли и травы тянуло сырым холодом, но все равно в воздухе чувствовалось дыхание весны.

Но Хантеру Воррену не было никакого дела до весенней природы за порогом его лесного дома, в который он перебрался теперь уже окончательно, продав свою городскую квартиру, чтобы оплатить счета и расходы. Прошло три месяца после его оправдания, и за это время он окончательно убедился, на что будет похожа его новая жизнь. Причем физические проблемы были еще не самой худшей ее стороной. В этом плане все как раз оказалось не настолько ужасно, как представлялось ему, когда он только вышел из больницы (то есть, конечно же, выехал в инвалидном кресле. Ходить - это теперь не про него, больше уже никогда). То есть ужасно, конечно, но все-таки не настолько. Он оснастил свой дом обычными приспособлениями, облегчающими жизнь инвалидам, научился своими сильными руками, цепляясь за перила и поручни, перетаскивать себя из кресла в кровать, ванну и на унитаз и обратно, поменял свою прежнюю машину на модель с ручным управлением, разработанную специально для колясочников, и научился с нею управляться. Обзавелся роботом-пылесосом. Переместил все шкафчики и полки на высоту, до которой можно было дотянуться, сидя в кресле. Лишняя возня раздражала, но к этому можно было привыкнуть, особенно после того, как он закончил переоборудование дома.

Хуже было другое. От городской квартиры он избавился не только потому, что ему нужны

были деньги на все это и на оплату адвоката (хорошо еще, что хотя бы астрономические медицинские счета были покрыты его страховкой). Но и потому, что не хотел даже случайно встречаться где-нибудь в лифте или на улице с соседями и вообще с людьми. Все люди, знавшие о его существовании - а таких после всех этих телепередач ("Это Хантер Воррен, подозреваемый в серийных похищениях молодых женщин и сексуальном и ином насилии над ними. Если вы пострадали от его действий, звоните по телефону...") стало намного больше, чем ему бы хотелось - делились теперь на три категории. Для одних он был чудовищем, которому удалось отмазаться от тюрьмы, запугав своих бывших жертв (к этой категории, кстати, примкнули чуть ли не все его бывшие коллеги, возмущенные тем, что он опозорил Службу, и теперь в каждом рейнджере будут подозревать маньяка). Для других он был извращенцем, чье грязное белье было выставлено на всеобщее обозрение, ну и, конечно, мерзким женоненавистником, эталонным воплощением "мужской шовинистической свиньи". (Он попытался было воспользоваться услугами сервиса, доставляющего продукты инвалидам на дом, но ему отказали. Формально - потому что к его дому посреди леса не было дороги достаточного качества, чтобы по ней мог проехать их микроавтобус, но он не сомневался, что решение принимала какая-нибудь феминистская сука, гнусно ухмылявшаяся при этом.) Наконец, для третьих - тех, что, возможно, тайно сочувствовали и завидовали бы ему, знай они о его забавах прежде - он был теперь фигурой попросту комической, эталонным лузером, который "даже девку отыметь не смог, а когда попытался, она ему из его же пушки яйца отстрелила" (на самом деле, конечно, не яйца, но результат для его дальнейшей половой жизни был аналогичный). У него не было даже тех чокнутых поклонников, которые бывают у серийных убийц, потому что он не был серийным убийцей. Он - Господин, повелитель, доминант, у ног которого должны пресмыкаться униженные рабыни - был теперь никому (и им в том числе!) не страшен, а смешон, мерзок и жалок. Даже эта мелкая сучка Рид (ему таки пришлось выучить ее имя!) почти наверняка, он не обольщался на сей счет после намеков своего адвоката, спасла его на суде (насколько унизительна сама формулировка: она - спасла!!! - ЕГО!) не из страха перед ним, а чтобы отмазать от тюрьмы и миллионного иска большую суку Рокстон. Перед которой ему даже пришлось публично извиняться - и это после того, что она с ним сделала! Ооо, если бы она только снова попала ему в руки!!! Даже его богатое воображение казалось ему недостаточным, чтобы придумать все, что она заслужила! Да, он не любитель калечащих пыток - но ради нее он бы сделал исключение. В конце концов, она ведь лишила его ног - и кое-чего между ними, что еще важнее! - так что элементарная справедливость требовала, для начала, отрезать ей ноги. Потом - руки, которые это проделали. Потом - сиськи... нет, сиськи, пожалуй, лучше все-таки оставить...

Увы, все это были лишь пустые мечты. Теперь он не мог даже мастурбировать, воображая себе все это. Не говоря уже о том, чтобы снова истязать рабынь не в воображении, а в реальности. С главным наслаждением его жизни было покончено навсегда. Понятно, что никого похитить он не сможет уже чисто физически, а если бы даже и смог - стал бы первым подозреваемым. В принципе, он еще мог бы, наверное, нанять проститутку, или даже найти в интернете какую-нибудь настоящую мазохистку, которая и впрямь согласилась бы хотя бы на некоторые пункты его программы по доброй воле. Которой, возможно, даже показалась бы особенно пикантной мысль, что ее заковывает в цепи, порет и прижигает инвалид-колясочник... и которая даже могла бы оказаться ему полезной в чисто практическом плане, помогая в быту. Пусть он уже ничего не чувствовал ниже пояса, но хотя бы моральное удовлетворение от ее унижения... но то-то и оно, что нет! Рабыня безусловно не должна получать ни платы, ни уж тем более удовольствия, иначе какая же она рабыня?! Униженным в этой ситуации окажется - он. Это он будет ублажать ее, фактически исполняя роль вибратора с плеткой, да еще при этом и зависеть от нее! А она будет смотреть на него с презрительной жалостью... или просто с презрением, или просто с жалостью - тут даже не скажешь, что хуже, все варианты хуже один

другого.

Неужели впереди его ждут еще лет тридцать такой жизни - и ничего кроме? Когда он впервые осознал это со всей отчетливостью, его мысли обратились к лежавшему в сейфе револьверу (дело закрыто, вещественное доказательство возвращено владельцу). Но - нет. Сука Рокстон была бы счастлива узнать, что он сделал это. Не дождется! Живут же как-то другие люди, в том числе и одинокие инвалиды... смотрят спорт и комедии (он терпеть не мог и то, и другое)... фильмы про животных (это уже лучше - там, по крайней мере, нет никаких сук, кроме волчиц)... в компьютерные игры играют (он их не любил с юности - его бесило, что там можно *проиграть*... хотя, наверное, можно найти и такие, в которых нельзя... The Sims какие-нибудь)... Книги читают, в конце концов.

На ноутбуке перед ним был загружен роман Мураками, недавно скачанный из интернета - однако терзавшие Хантера мысли не давали сосредоточиться на чтении, и экран отключился в черноту из-за долгой неактивности. Хантер, хотя и считал себя интеллектуалом, никогда раньше не читал Мураками, да и вообще японскую литературу - если только не считать порнографической манги по интересовавшей его теме, да и ту он просматривал только в юности, до того, как начал воплощать свои фантазии в жизнь. Что за интерес смотреть картинки, если можно делать все, что захочешь, с реальной живой рабыней? Вот сейчас и Мураками пошел бы гораздо лучше, если бы можно было уложить рабыню на пол под столом в качестве коврика и поставить ноги на ее голую спину или грудь. Увы - теперь у него не было ни рабыни, ни ног. То есть чисто физически они были, но уже не могли ощутить распростертую под ними покорную плоть.

И тут ожил лежавший на столе телефон, сообщая о зафиксированном камерой над крыльцом движении - а в следующую секунду в дверь постучали. Хантер вздрогнул, и сердце его забилось быстрее. Он уж точно не ждал никаких гостей - ни сейчас и никогда. Кто это может быть? Полиция? Какая-то из его прежних рабынь все же набралась храбрости и решилась подать на него жалобу? Или, может, журналисты? Пусть катятся к дьяволу, он честный, оправданный судом гражданин, имеющий право на частную жизнь... Впрочем, стук не походил ни на требовательный стук представителя власти, ни на наглый стук представителя СМИ. Он был таким робким, что Хантер, пожалуй, мог и вовсе не обратить на него внимание, если бы не сообщение от камеры.

Он схватил телефон, уставился на транслируемую камерой картинку - и не поверил своим глазам.

На крыльце, словно соткавшись прямо из его фантазий, стояла совершенно голая девушка. Ну, точнее, вся ее фигура не помещалась в кадр, но выше лобка на ней точно ничего не было. Стояла в покорной позе рабыни, опустив голову и держа руки за спиной. В этот предзакатный час на улице, очевидно, было уже холодно, но она смирно стояла на месте, не двигаясь.

Светлые волосы падали на ее склоненное лицо, которое к тому же было плохо видно в таком ракурсе (камера смотрела на нее под углом сверху) и при таком освещении, а надписи на ее теле отнюдь не были уникальны для его рабынь, но все же он узнал ее. Узнал эти маленькие сиськи, эти тонкие руки, эти птичьи ключицы, эти узкие бедра с выпирающими крыльями подвздошных костей, всю эту хрупкую фигурку, словно воплощающую испуганное смирение. Джэйлин Рид - имя, которое ему все-таки пришлось запомнить, но которое теперь, похоже, снова можно будет забыть. Потому что теперь ее снова будут звать единственно правильным именем. Нет никакой Джэйлин Рид. Есть рабыня.

Он ухватился за ободы своих колес (со всеми этими расходами он пока что ограничился дешевой моделью кресла без электромотора) и покатил к двери. Ему даже не пришла в голову мысль, что, хотя бы и стоя на крыльце перед камерой голой, в этих своих смиренно заведенных за спину руках она может прятать оружие. Нет, только не она.

Он открыл дверь.

- Господин, - пролепетала она, не смея, как и положено, глядеть ему в глаза, - я вернулась.

Он откатился назад, давая ей войти. Ну да, конечно - так и должно было быть! Рабыня должна вернуться к своему Хозяину! Правда, ни одна из них до сих пор не пыталась это сделать - но эту он, как видно, вышколил лучше всех прочих. Да и потом - предыдущие ведь знали, что он выбросил их, как ненужную вещь, найдя им замену. Вернуться после этого было бы непростительной дерзостью. А ее он в итоге так и не заменил. И, конечно же, она обязана была исполнить свой долг.

Он смотрел, как неслышно ступают по полу мелкими семенящими шагами ее босые ноги. Слишком уж неслышно. Для полной правильности картины не хватает звона цепей. Ну ничего, это он быстро исправит.

- На колени! - рявкнул он.

Она тут же поспешно рухнула на колени, низко склоняя голову.

Он проехал мимо нее (попутно увидев ее руки за спиной - никакого оружия в них не было) и запер дверь. Затем прокатился обратно, снова объезжая ее спереди.

- Как ты посмела прийти только сейчас?! - прорычал сквозь зубы он. - Где ты шлялась три месяца?!

- Простите меня, Господин! - она склонилась еще ниже. - Пожалуйста, не наказывайте меня слишком сильно! - она уткнулась лбом в пол.

- Ты совсем обнаглела, рабыня? Ты правда думаешь, что такое предательство своего Господина можно простить?!

- Нет! - тут же перестроилась она. - Конечно, нет, Господин! Я была плохой, неверной рабыней, и должна быть наказана! Идемте скорее в подвал, чтобы вы могли сделать со мной все, что захотите!

- Да, - довольно ощерился он (наконец-то она сказала правильные слова!), - именно этим мы сейчас и займемся.

Она поднялась с пола:

- Господин, позвольте мне отвезти вас!

Он на миг задумался, не будет ли это для него унизительно, если она повезет его как беспомощного, жалкого... Но - нет, конечно же нет. Разве для человека в повозке унизительно, что его везет лошадь? Тут то же самое, только его ездовое животное не спереди, а сзади. Пожалуй, надо будет соорудить какую-нибудь упряжь из ремней, чтобы впредь она возила его спереди, а он бы стегал ее кнутом по голой спине. Таким образом он даже сможет ездить на прогулки по лесу, и не нужен никакой электромотор. Прежде он не практиковал "лошадиную" тематику, но тогда у него и повозки не было - а теперь, раз уж таковая появилась...

Все-таки хорошо, думал он, пока она везла его в спальню и дальше к стенному шкафу, что, несмотря на все свои издержки, он не поскупился при переоборудовании дома также и на установку пандуса на лестнице в подвал. Как чувствовал - хотя здравый смысл подсказывал, что отныне ему спускаться туда уже незачем. Но - как-то неправильно иметь в собственном доме помещения, куда ты не можешь попасть. Особенно когда в создание этих помещений вложено столько усилий...

Они въехали в шкаф. Он, не таясь от нее, стал вводить код, который оставался тем же самым. Надо, наверное, все-таки поменять, раз она его знает... кстати - как она посмела его знать?! Логика подсказывала, что если бы она некогда не подсмотрела код и не вывела, соответственно, Рокстон наверх к телефону, когда он уже потерял сознание, он бы так и сдох в собственном подвале - но это ни в малейшей степени не оправдывало лукавую и неверную рабыню, посмевшую подглядывать хозяйские секреты! Да и потом - ведь если бы она не ослушалась его и ударила Рокстон палкой по голове, проблемы не было бы вообще! Он отправил бы звонить ее, а Рокстон сейчас жрали бы черви! Даже не пришлось бы прятать труп - после ее

выстрела в него это прокатило бы за необходимую оборону! И эта тупая мелкая сука все испортила! Не-ет, простым наказанием она не отделается! Для начала он ее таки трахнет - пусть даже он не может теперь даже дрочить, он засадит в нее эту самую палку для битья пяток по самое солнечное сплетение! Впрочем, тут надо не перестараться, маточное кровотечение ему ни к чему, он не должен ломать свою единственную и теперь уже последнюю игрушку... Что он, кстати, сделает с ее пятками - это отдельная интересная тема. И потом заставит ее стоять израненными подошвами на посыпанном крупной солью полу в тяжелых колодках, пока он дополняет ее татуировку. Над уже имеющимся словом "СОБСТВЕННОСТЬ" он добавит слова "Я больше никогда не предам своего Господина, потому что я его -". А потом он выжжет ей еще одно клеймо - на сей раз на лице, чтобы она уж точно не вздумала снова сбежать от него. Кого ему бояться? Копов? Копы уже видели предыдущее, и ему это сошло с рук. Вот только какое слово? Повторять уже имеющиеся не следует, унижение должно каждый раз быть новым, иначе оно становится привычным и уже не таким унизительным. BITCH? Нет, пожалуй, недостаточно унизительно, некоторые из этих сук даже гордятся тем, что они - суки. SLUT? Нет, это унизительно уже для него: пользоваться шлюхой - все равно что подъедать чужие объедки (очень скоро она будет делать это снова, да!). CUNT[13]? Да, пожалуй, это подойдет. А потом...

Резкий и неожиданно сильный толчок швырнул его вперед, мимо заботливо уложенного пандуса прямо на крутые ступеньки. Кресло сорвалось с верхней из них, кувырнулось через передние колесики, вышвыривая своего седока - и он покатился по лестнице вниз, беспомощно кувыркаясь своим полупарализованным телом и ударяясь раз за разом об острые ребра ступенек. Здоровый человек с хорошей реакцией при таком падении еще может успеть сгруппироваться, но у него не было никаких шансов. Острая боль, словно разряд тока, пронзила еще сохранявшую чувствительность часть его позвоночника; он успел машинально выставить правую руку, защищая голову, но в следующую секунду болью взорвалось уже правое плечо. Удар, боль, удар, боль, удар, боль...

Когда он распластался навзничь на полу подвала у подножия лестницы и подумал, что все уже закончилось, сверху на него рухнуло кресло.

Он не потерял сознание, хотя, вероятно, об этом следовало только сожалеть. Правая рука, пульсировавшая болью от локтя до шеи, была вывернута под неестественным углом, и выше локтя на ней словно образовался новый сустав, распухавший на глазах. Хантер не сомневался, что, если бы мог снять рукав рубашки, увидел бы там торчащий обломок кости. Его позвоночник, по всей видимости, был сломан еще в одном месте, выше предыдущей травмы, но он все еще сохранял способность дышать, хотя каждый вдох отдавался адской болью в ребрах с обеих сторон. На левой руке отчаянно ныл сломанный мизинец, но эта конечность все еще повиновалась ему - это было последнее, что ему еще повиновалось, не считая головы - и он со стоном спихнул с себя кресло.

- Все еще живой? - прозвенел насмешливый девичий голос сверху. - Это хорошо. Я очень надеялась, что ты не сдохнешь быстро.

Джэйлин стояла на верхней площадке лестницы, гордо подбоченясь правой рукой и отставив ногу с приподнятыми пальцами. Теперь в своей наготе она походила не на жалкую рабыню, а на греческую богиню на подиуме посвященного ей храма.

- Су-у-ка... - жалобно проблеял Хантер.

- Я могла бы спуститься и вытереть об тебя ноги, - продолжала Джэйлин, - но я, пожалуй, побрезгую. С детства брезговала давить тараканов босой ногой. А ты сейчас - самый натуральный полураздавленный таракан. Валяющийся даже не у моих ног, а намного ниже. Как тебе это, а, ничтожество? Сознавать, что тебя поимела девчонка, которую ты даже за человека не считал? Помнишь, в суде меня спросили, по чьей инициативе у нас был секс, и я ответила, что

[13] Наиболее грубое из английских наименований женского полового органа.

всегда по твоей? Вот теперь это было по моей инициативе. Не знаю, как тебе, а мне понравилось.

- Тебе хана... тут повсюду камеры...

- Во-первых, сейчас они все выключены - тебе ведь не нужно, чтобы они поднимали шухер каждый раз, когда ты сам ездишь по дому. Кроме той, что над крыльцом. А во-вторых, даже и она ничего не пишет, а только передает картинку на твой телефон. Впрочем, на всякий случай мы это все же проверим. Никуда не уходи, я скоро, - она лучезарно улыбнулась и вышла, позволив двери автоматически закрыться.

Вопреки ее издевательскому обещанию, не было ее довольно долго - а может, так просто показалось терзаемому болью и отчаянием Хантеру. Он, конечно, быстро понял, что шансов на спасение у него нет никаких. Ползти с помощью одной руки он не мог. Даже если бы не боль во всех переломанных костях - рука просто скользила по полу, не сдвигая его тело ни на дюйм. Прикинуться мертвым, когда эта сука вернется, дождаться, чтобы она склонилась над ним, и схватить ее левой рукой за горло? Скорее всего, она вырвется. А если даже нет, если ему удастся задушить ее или убить ударом кулака в висок - что дальше? "Ты медленно сдохнешь здесь рядом с моим разлагающимся трупом" - сколько раз он произносил эти слова?

Наконец дверь наверху снова открылась.

- Соскучился? - теперь она держала в руке его телефон. - Немного поработала за твоим ноутом. Записей с камер не нашла, как и думала, но на всякий случай удалила все файлы, созданные за последние два дня. Хорошо удалила, не волнуйся - восстановлению они не подлежат. Ну и изменила даты тех, что были изменены за это время. У меня была при себе флэшка с соответствующей утилитой... где я ее прятала, уточнять не буду, можешь выбрать сам из двух вариантов. В пакетике, все стерильно, никаких следов. Короче, сейчас твой ноут выглядит так, как будто в последний раз ты сидел за ним позавчера, и, стало быть, примерно тогда с тобой и случился несчастный случай. Инвалид свалился с лестницы, бывает, никто не виноват. А у меня на вчера и позавчера, и даже на сегодняшнее утро, железное алиби. Да, знаешь, что я еще сделала? Поменяла код на этой двери. Теперь его не знает никто, кроме меня. А ты сам сделал эту дверь почти как в банке. Так что вскрыть ее можно разве что автогеном. Поэтому до твоих останков доберутся оч-чень нескоро, и к тому времени разницу в два дня уже ни один эксперт не определит.

- Ты блефуешь... про ноут... там пароль... через десять минут неактивности...

- A-G-M-B-K-N-A-1-C-восклицательный знак. Думаю, это какая-то аббревиатура, связанная с твоими грязными фантазиями, но, как видишь, я ее запомнила. Ты настолько презирал меня, что даже не пытался прикрываться, когда вводил свои коды и пароли. И не поменял их, когда я тебя покинула. А я подсмотрела и запомнила их все. Я не могла воспользоваться ими, когда ты был рядом, а когда ты уезжал, то сажал меня на цепь - но я повторяла их, как молитву. Знала, что когда-нибудь пригодятся. Но с телефоном, - признала Джэйлин с сожалением, - так не получилось. Я не могу точно воспроизвести твою загогулину. Так что ты уж постарайся, начерти мне ее пальцем на полу, чтобы я могла его разблокировать.

- Позвони 911! - ухватился за новую надежду он. - А я никому не скажу, что меня столкнула ты! Скажу, что это правда был несчастный случай...

- "Пожалуйста-пожалуйста, отпустите меня, я не пойду в полицию!" - издевательски передразнила Джэйлин. - Попроси еще сделать это ради моей мамы. Моя мама умерла, ты, гребаный ублюдок. У нее случился сердечный приступ после того, как ты меня похитил. Ты заставил меня написать ей письмо, что со мной все в порядке, но она не поверила. Она знала, что я не сбежала бы из дома не пойми с кем.

- Послушай, - выдавил он из себя, - я и так наказан. У меня сломана спина...

- А у меня вся жизнь, - оборвала его она. - И далеко не только у меня одной. Ну давай, попроси свою Госпожу не наказывать тебя слишком сильно.

- Не дождешься! - скрипнул зубами он.

- И правильно, - спокойно кивнула она. - Все равно бы не помогло. Но если ты покажешь мне загогулину, я, может быть, избавлю тебя от страданий. Если же ты этого не сделаешь, то я просто уйду прямо сейчас и унесу твой телефон с собой. А ты останешься здесь. Если твой телефон так и не найдут, это, конечно, будет немного более подозрительно, чем если он останется лежать на твоем столе - но ничего такого уж слишком страшного. Это не доказывает убийства и уж тем более не свидетельствует о моей причастности. Знаешь, почему я спасла тебя в суде? Потому что ни один суд не воздал бы тебе по заслугам. Особенно в наше идиотское время, когда даже убийц почти не казнят. Всех бы этих г-гуманистов на мое место... Это вообще идиотская идея, что наказание преступнику должны определять судьи - совершенно посторонние люди, никак не пострадавшие от его действий. Приговор преступнику должна выносить его жертва. Только она одна знает меру своих страданий и соответствующее им воздаяние. И я приговорила тебя к смерти. Но в тюрьме тебя было не достать, значит, нужно было, чтобы тебя оттуда выпустили. Можно было, конечно, сперва дать тебе отсидеть, особенно если бы тебе дали не очень много или выпустили досрочно, а уж потом... Но, во-первых, я не хотела ждать годами. В моей жизни уже были два года ожидания, хватит с меня. А во-вторых, тогда бы я стала первой подозреваемой, как жертва, недовольная слишком мягким приговором. А теперь меня не заподозрит никто, все знают, что у меня не было мотива мстить тебе, иначе зачем бы я тебя выгораживала, имея возможность упрятать за решетку? Ну и заодно я избавила от проблем мисс Рокстон, намекнув твоему адвокату, что если ты откажешься от претензий к ней, то я откажусь от претензий к тебе. Ну ладно, заболтались мы с тобой. Но было бы обидно, если бы ты сдох, так и не узнав, КАК тебя поимели, так что надо было рассказать... Так давай, показывай, как разблокировать твой телефон, или я ухожу.

- Дай мне телефон.

- Нет, ты надеешься что-то сделать мне своей последней рукой. Показывай оттуда, каждую линию по очереди.

Ненавидя себя за слабость, он стал водить указательным пальцем левой по бетонному полу.

- Вправо до конца? А теперь до второй точки? До третьей? Вверх до предпоследней? Ага, сработало... - некоторое время она молча водила пальцем по экрану его смартфона, затем довольным тоном решившей задачу школьницы сообщила: - Как я и думала, записей с камер нет, но на всякий случай я удалила приложение со всеми его данными. И еще на всякий случай разрядила тебе батарею. С этим разобрались. Теперь говори код от сейфа - единственный, который ты все-таки сообразил поменять.

- Там нет денег, - простонал он. - Все мои деньги в банке, да и там сейчас пусто... И драгоценностей тоже нет.

- Но твой револьвер там?

Он понял, что она задумала.

- Давай, не тяни уже, - нетерпеливо потребовала она. - Мне, в общем-то, все равно, сочтет полиция твою смерть несчастным случаем или самоубийством. Особо разбираться ради такого ублюдка все равно не будут, закроют дело по первому же подходящему основанию. А вот тебе не все равно, умереть прямо сейчас или промучиться несколько дней, медленно подыхая от жажды в собственном дерьме с переломанными костями. Как ты там говорил - при такой температуре и без физической активности дней шесть?

Он говорил такое в мае, а сейчас март, так что у него был шанс замерзнуть раньше. Его рабыни выживали голые и зимой, но это потому, что он, не желая терпеть их сопли и кашель и уж тем более лишиться их совсем из-за какой-нибудь пневмонии, заботился об отоплении. А сейчас печь прогорит и погаснет, а ночи пока еще холодные - впрочем, и дом достаточно велик и не остынет быстро... Но, в любом случае, смерть от холода не казалась ему намного приятнее

смерти от жажды. А главное, вся эта боль...

Он сказал код.

Ее снова не было слишком долго - в его нынешнем, заполненном болью восприятии времени. Но, наконец, замок наверху снова щелкнул. Мучительно приподняв голову, он увидел, что в одной руке она держит револьвер, а в другой, насколько он мог рассмотреть, патрон. Сама она по-прежнему оставалась нагой, не желая, очевидно, ни облачаться в его шмотки (что было совершенно логично, раз она не хотела оставлять улик и следов), ни мотаться туда и обратно за своей одеждой, очевидно, оставленной где-то снаружи. Однако теперь он уже не воспринимал ее наготу как признак ее унижения. Теперь, напротив, своей наготой она унижала его, демонстрируя, что вообще не воспринимает его как существо, которого стоит стесняться. Как не стесняются собаки или все того же таракана.

- Да - в сейфе и впрямь ничего особо интересного, - констатировала она. - Впрочем, полиция ведь его уже осматривала и ничего не нашла. Разве что дубликаты ключей - хорошо, не придется лазить в твой карман... Ну ладно. Ты говорил, что не собираешься играть со мной в "русскую рулетку", - разумеется, всем пленницам он озвучивал один и тот же текст. - Ну а я с тобой сыграю, - она вставила патрон, раскрутила барабан, а затем резким хлопком вогнала его на место. - Теперь никто не знает, в какой позиции находится патрон и сколько раз тебе придется нажать на спуск, прежде чем раздастся выстрел. И каждый раз ты будешь обмирать от ужаса, прежде чем сделать это, и отчаянно пытаться заставить себя решиться. А услышав вместо выстрела клик - будешь в первый миг испытывать иррациональное облегчение, что остался жив, а потом еще более сильное отчаяние и ужас. И так, возможно, раз, другой, третий... может, и до самого шестого. Такой ублюдок вполне заслужил, чтобы это было шесть раз подряд.

Она спустилась на пару ступенек, но не стала идти дальше.

- Я брошу тебе револьвер, - сказала она. - Надеюсь, у тебя хватит ума не пытаться использовать ни свой вариант номер 1, ни даже вариант номер 4 мисс Рокстон. Скорее всего, левой рукой в таком состоянии без возможности нормально прицелиться ты просто не попадешь. А не мне тебе объяснять, что будет, если ты неправильно истратишь свой единственный патрон. Счастливо оставаться, лузер.

Она опустила руку с револьвером, слегка покачала его и бросила вниз. Тот упал прямо на его сломанные ребра. Хантер взвыл от боли, но все таки схватил оружие. Джэйлин тем временем повернулась к нему спиной и пошла наверх, нагая и величественная, даже не пытаясь ускорить шаг, пока он, приподняв голову, дрожащей рукой наводил ствол ей в спину - белую и гладкую, на которой не осталось уже никаких следов от его побоев. Револьвер ходил ходуном, мушка выписывала пьяные восьмерки, шею нестерпимо ломило - к тому же Хантер никогда в жизни не стрелял левой. В таких условиях он не попал бы даже в бизона. Но он не мог, просто не мог позволить этой проклятой суке уйти!

Джэйлин остановилась, набирая код. Наконец-то ее спина превратилась в неподвижную мишень. Хантер задержал дыхание, собирая все оставшиеся силы в единый спеленутый ненавистью комок. Ствол все равно колебался из стороны в сторону, но теперь в его колебаниях появилась некая ритмичная предсказуемость. Хантер поймал момент, когда мушка проплывала точно через середину белевшей наверху спины, и со всей силы нажал на спуск.

Клик.

Джэйлин даже не обернулась, хотя, несомненно, услышала щелчок. Великолепная в своем презрении, она даже не удостоила его никакой насмешливой реплики. Просто шагнула в открывшийся проем и позволила двери автоматически закрыться за собой.

А потом погасила свет в подвале, оставив его в абсолютной темноте.

Подхватив со стола заранее отложенный ключ, а также флэшку с программой, Джэйлин вышла на улицу и заперла за собой дверь. Солнце уже зашло, в лесу было темно, и ее

обнаженное тело обдало обжигающим холодом. Градусов 50[14], а то и меньше. Впрочем, ей доводилось гулять в таком виде и в январе, разве только на снег он ее не выгонял, не желая, очевидно, оставлять следы... Но это в прошлом, напомнила она себе. Все это уже навсегда в прошлом.

Сухие прошлогодние иголки и напа́давшие с деревьев мелкие веточки кололи ее подошвы - отвыкла ходить босиком за десять месяцев свободы. Но, не обращая на это внимания, она пошла широким быстрым шагом свободного человека - а не семенящей походкой скованной рабыни - туда, где за кустами стояла ее машина. Потянула на себя ручку незапертой дверцы (в салоне зажегся свет), забралась внутрь, достала из бардачка ключ, завела мотор, включила печку, спеша согреться. Одежда лежала на соседнем сиденье, туфли стояли под ним. Но прежде, чем обуться, Джэйлин отклеила с пальцев ног и рук кусочки прозрачной пленки. Никаких отпечатков в доме она не оставила.

Какое-то время - в полной темноте, не имея ни телефона, ни, подобно большинству современных людей, часов, тем паче светящихся, он не смог бы сказать, какое именно - он еще надеялся, что его спасут. Кто угодно - полицейские, журналисты, заблудившиеся туристы, да хоть воры - заявятся в дом и... что и? Большинство незваных визитеров просто развернутся от запертой двери и уйдут. Полиция при наличии ордера или воры могут проникнуть внутрь, но даже им не придет в голову искать его здесь, внизу. Хотя полиция знает про подвал - и, опять-таки, при наличии ордера... Теперь он был бы просто счастлив, если бы любая из его прежних рабынь подала заявление, которое обернулось бы этим ордером. Но - увы. Его три предохранителя по-прежнему работали безупречно. Никто из этих жалких сучек не посмел откликнуться, когда их призывали это сделать во время следствия и суда над ним, никто не сделал этого после оправдания (очевидно, окончательно уверившись, что их Господин неуязвим для закона) - с чего бы им делать это теперь?

Поначалу холод терзал его сильнее, чем жажда. Потом жажда начала наверстывать упущенное (и это притом, что он успел обмочиться уже дважды, без толку теряя воду!) Боль в сломанных костях не утихала, она лишь превратилась из острой в тупую. Более того - сломанная правая рука стала нарывать, там, похоже, пошел воспалительный процесс.

Наконец он понял, что надеяться и ждать бессмысленно. Хотя вообще-то это было очевидно с самого начала. Да и вообще, если бы его даже и спасли, с его нынешними травмами это была бы уже совсем не жизнь. Но все же одно дело - размышлять о самоубийстве, когда револьвер заперт в сейфе, и совсем другое - когда уже держишь его в руке.

Наконец он решился. В мягкое нёбо, так он всегда говорил им всем. Он сунул ствол в пересохший рот. Мушка царапала нёбо за передними зубами. После выстрела отдача, наверное, выбьет их - но ему будет уже все равно. Одну попытку он уже сделал, значит, в самом худшем случае еще пять. Не произнося даже мысленно никаких пафосных фраз, стараясь вообще не думать о том, что делает, чтобы ужас не успел накрыть его, он нажал на спусковой крючок.

Клик.

Как там она говорила - будешь мучиться и перед каждым "выстрелом", и после него? Терзаться, не в силах снова собраться с духом для очередной попытки? Хрен тебе, сука!

Клик.

Не останавливаться. Только не останавливаться, не думать, и сейчас все закончится.

Клик.

Ужас при мысли о вечном небытии, который он гнал от себя, настиг его и обрушился ледяной волной. Никогда, никогда, НИКОГДА его больше не будет! Ни через миллион, ни через миллиард лет - никогда ВООБЩЕ! Не может, просто не может быть, что это происходит с ним!

---

[14] По Фаренгейту, +10 по Цельсию.

Палец судорожно сжался, давя на спусковой крючок, словно у ребенка, в страхе сжимающего руку матери.

Клик.

Проклятие, значит, все-таки патрон в самом последнем гнезде. Вот какова была вероятность? Единица на шесть в шестой степени? Это сколько вообще? Или же просто одна шестая? Ведь наличие патрона в каждом из гнезд равновероятно, но, в отличие от бросания монеты, испытания не независимы... Или там в знаменателе факториал? Первая попытка - 1/6, вторая - 1/5... Ааа, к черту математику!!!

Клик.

Он застыл, все еще со стволом во рту. Его первой мыслью было, что он сбился со счета. Каким-то нелепо-неуверенным движением, словно пробуя что-то опасное и готовясь в случае чего отдернуть руку, он нажал на спуск еще раз.

Клик.

Клик. Клик. Клик. Клик. Клик.

И тогда он все понял - и зарыдал. Он, высокомерный Господин и повелитель, привыкший презрительно наказывать своих жалких рабынь, если они осмеливались плакать - рыдал в голос, как мальчишка-хулиган[15] из начальной школы, отлупленный старшеклассником.

- Су-у-ка! - выл он, захлебываясь слезами и соплями. - Чи-и-терша!

Арлетт сидела на скамейке в парке, прикрыв глаза и подставив лицо апрельскому солнцу.

Это был не тот парк, в котором она так любила гулять прежде. В том, несмотря на весь свой рационализм и хладнокровие, она все еще избегала бывать. Нет, она не приобрела никаких комплексов и фобий. Она прекрасно знала, что никакая новая опасность ее там не подстерегает. "Неизвестный злоумышленник с хлороформом" существовал только в воображении ворренского адвоката, а сам Воррен был уже решенной проблемой, и никаких последователей и подражателей, какие иногда бывают, скажем, у серийных убийц, у него быть не могло. К тому же там усилили меры безопасности и перетряхнули всю службу рейнджеров - переаттестация или как там это у них называется. Просто Арлетт не могла теперь гулять там с прежней безмятежностью из-за неприятных ассоциаций - не потому, что боялась новых опасностей, а потому, что невольно вспоминала о старой. Так человеку, которого травили в школе, неприятно проходить мимо нее уже во взрослом возрасте, хотя он прекрасно знает, что никакой угрозы она для него больше не представляет. Арлетт надеялась, что это пройдет. Но для этого все еще нужно время.

Парк же, в котором она сидела теперь, был просто городским сквером с большим прудом (или, возможно, небольшим озером), зелеными во всякое время года лужайками, где часто можно было увидеть собак, ловящих фрисби, парой спортивных площадок с теннисными кортами, и скамейками вдоль оплетавших все это асфальтовых аллей. По берегу озера важно расхаживали черношеие канадские гуси. Торчавшие над стриженой травой таблички призывали не кормить белок. В воздухе негромко жужжал чей-то дрон-квадрокоптер.

- Мисс Арлетт Рокстон?

Арлетт открыла глаза. Над ней стояла худощавая брюнетка в сером плаще, с волосами до плеч, стриженными под боб с длинной прямой челкой, и в больших темных очках. Арлетт недоуменно всматривалась в нее несколько секунд, прежде чем возмущенно фыркнула:

- Джэйлин, ну что за маскарад? Как в шпионском романе. Садись.

Джэйлин опустилась рядом.

- Вы сами говорили, что нам пока лучше не афишировать наши контакты, - невозмутимо ответила она.

---

[15] В оригинале bully, т.е. не просто озорник, а тот, кто издевается над другими.

- Не до такой же степени! Я говорила только о звонках и переписке в социальных сетях. А здесь нас никто выслеживать не будет.

- Я в детстве актрисой хотела стать, - поведала Джэйлин. - Мама отговорила. Говорила, у тебя только роль наивной простушки хорошо получается.

Арлетт знала, что мать Джэйлин умерла, и знала, что, по всей видимости, послужило этому причиной. Но какой суд учтет такое? Post hoc non est propter hoc...

- Как он? - задала она главный вопрос.

- Мерзкий, вонючий и мертвый. Думаю, уже дня два как сдох. Хотя я, конечно, не патологоанатом.

- Да, он был не в том состоянии, чтобы протянуть целую неделю в неотапливаемом доме. Но дня четыре промучился точно... Неприятное, должно быть, зрелище, - сочувственно заметила Арлетт. Сама она еще никогда в жизни не видела мертвецов.

- Какой-то французский король сказал, что ничто не пахнет лучше, чем труп врага. - жестко возразила Джэйлин. - Жаль, что нельзя было растянуть его агонию на два года... Кстати, вы были правы. Он таки догадался написать собственным дерьмом "Рид убила меня". Ну, точнее, попытался. В темноте и левой рукой вышло не особо, но пришлось, конечно, затереть. Прямо его рукой и затерла, она и так вся в дерьме была. Ну ничего, мне не в первый раз за ним прибирать. Зато уж точно в последний.

- Ты точно не оставила никаких следов?

- Точно. Все, как мы обговаривали. И дефектный патрон забрала, и ключи обратно в сейф положила вместе с револьвером. Классический несчастный случай с падением с лестницы, никаких причин кого-то подозревать. Интересно, когда его теперь хватятся?

- Когда не уплатит налог на недвижимость, - усмехнулась Арлетт. - И то далеко не сразу. Никому он уже не нужен и неинтересен. Не удивлюсь, если пройдет несколько лет, прежде чем кто-то вскроет дверь в этот подвал.

- Никому, да, - повторила Джэйлин. - Жаль, что моя фамилия не Никто. Тогда бы даже не нужно было стирать дерьмовую надпись.[16] Получилось бы, как у Одиссея с циклопом.

- Твоя фамилия не Никто, - серьезно сказала Арлетт. - Он пытался внушить тебе это. Заставить забыть собственное имя. И сам демонстративно не хотел его помнить. А в итоге оно стало последним, что он помнил в своей жалкой жизни.

- Да, - кивнула Джэйлин. - И расписался собственным дерьмом в собственном поражении. Одна из самых унизительных смертей, какую можно представить.

- На самом деле Рид - хорошая фамилия, - продолжала Арлетт. - Ветер может пригнуть тростник[17] к земле, но потом он снова выпрямляется. И растет вверх.

- Рокстон тоже хорошая, - ответила Джэйлин. - "Камень скалы". Пишется по-другому[18], но звучит так. Очень вам подходит.

- Кстати, имя "Арлетт" происходит от французского корня, означающего "честь" и "благородство", - заметила Арлетт. - Но не знаю, как там полагали эти средневековые французские аристократы - хотя у них тоже была очень даже сословная мораль - а я считаю, что честным и благородным надо быть только с теми, кто благороден с тобой. А если тебе навязывают правила, по которым ты в принципе не можешь выиграть - играй не по правилам.

Джэйлин вдруг опустила голову, избегая смотреть на Арлетт даже сквозь темные очки:

- Вы... все еще сердитесь на меня за то, что я подставила вас тогда, в парке? Я-то уж точно поступила неблагородно!

Арлетт немного помолчала, прежде чем ответить.

- Было бы проще всего сказать: "Забудь, проехали", - произнесла она. - Но я так не скажу.

---

[16] Фраза Nobody killed me означает "Никто не убивал меня".

[17] Reed - тростник

[18] Roxton - rock stone

Конечно же, тогда ты поступила дурно. Причем в первую очередь даже не потому, что пыталась подставить меня вместо себя. Такое, разумеется, благородным не назовешь, но и осуждать человека, который жертвует кем-то посторонним, чтобы спасти себя, я не считаю правильным. Ни от кого нельзя требовать, чтобы он жертвовал собой, спасая другого - и точно так же нельзя требовать, чтобы он не жертвовал другим, спасая себя, потому что это в общем-то то же самое. Восхищаться альтруизмом можно, требовать его - нет. Вопрос, однако, в том, действительно ли такая жертва - единственный возможный выход, а это в большинстве случаев не так. И самым неправильным в твоем поступке было то, что ты именно что согласилась играть по правилам, навязанным тебе маньяком. Мы с тобой обе были на одной и той же цепи. Но ты сделала один выбор, а я другой. И ты знаешь, какие были последствия. Рабом человека делает не цепь. А согласие ее носить. Причем кто бы ее на тебя ни надевал - маньяк-одиночка, частная корпорация или даже общество и государство. И зло в мире происходит даже не от самих злодеев, которые сами по себе не столь уж и многочисленны. То есть главная *вина*, конечно, на них - а вот главная *причина* торжества зла не в них. А в тех, кто предпочитает покориться им, нежели бороться - причем даже тогда, когда на кону не стоят собственная жизнь и свобода. Кто соглашается терпеть зло и несправедливость не то что по отношению к другим, но даже по отношению к себе. Потому что несправедливость и есть зло, от кого бы она ни исходила - от нарушителей закона или даже от его блюстителей, от жестоких или от слишком добреньких, от агрессоров и угнетателей или от слабаков и трусов, не желающих им противостоять... Вот не подумала бы еще год назад, что примерная законопослушная девочка Арлетт Рокстон будет проповедовать вигилантство. Но я умею извлекать уроки из ошибок. И ты тоже сделала свою работу над ошибками, причем сделала ее на "отлично". Так что - я не буду говорить тебе "забудь", ибо забывать об ошибках нельзя, чтобы не повторить их снова. Но вот терзать себя за ошибки прошлого, уже осознанные и исправленные, прекрати раз и навсегда, ты поняла? - строгим тоном закончила Арлетт.

- Да, Госпожа.

- Джэйлин! - скривилась Арлетт. - Ну опять! Какая я тебя "Госпожа"?! У тебя нет и не может быть никакой хозяйки, кроме тебя самой!

- Арлетт, ну я же пошутила, - улыбнулась Джэйлин.[19] - Я теперь снова могу шутить. И улыбаться.

- Ты имела в виду, что мой тон был слишком дидактическим? - сконфуженно поняла Арлетт.

- Немного, - невинным голоском ответила Джэйлин. - Но я не в претензии.

На самом деле прошло уже несколько месяцев с тех пор, как Джэйлин всерьез назвала Арлетт "Госпожой" в последний раз. Реабилитация бывшей рабыни была долгой и непростой. Но весь план возмездия Воррену девушки разрабатывали уже вместе. Идея возникла у Арлетт, после того, как адвокат сказал ей, что шансов засадить Воррена надолго и тем паче пожизненно практически нет. Но Джэйлин подхватила ее с такой горячностью, какой Арлетт даже не ожидала от бывшей покорной жертвы. И сыграла свою роль безупречно. После ее выступления в суде никто не заподозрил бы ее не только в желании отомстить Воррену, но и в сговоре с Арлетт, которую она "так страшно подвела", развалив дело, где должна была стать ключевой свидетельницей обвинения. Что же касается самой Арлетт, очевидно недовольной решением суда и имевшей мотив взять правосудие в свои руки, то она обеспечила себе 100%-е алиби. Восемь дней она вообще находилась в другом городе на другом конце страны и вернулась лишь накануне этой встречи в парке с Джэйлин. Впрочем, как вполне справедливо заключили обе

---

[19] Поскольку английское "you" - это и "вы", и "ты", в оригинале до этой реплики невозможно понять, говорит Джэйлин с Арлетт как с "Госпожой" или как с равной. В русском языке такой эффект передать невозможно, поэтому приходится дезинформировать читателя, изображая, что Джэйлин обращается к Арлетт на "вы". **На самом деле с самого начала диалога она обращается к Арлетт на "ты".**

девушки, тщательно продумавшие и просчитавшие все детали (включая действия и реакции Воррена - тут опыт Джэйлин был незаменим) - вероятность, что смерть Воррена, когда она наконец откроется, вообще будет расследоваться как убийство, была крайне невысока. Основным поводом для беспокойства Арлетт была вовсе не полиция.

- Знаешь, я все-таки здорово опасалась за тебя, - призналась Арлетт. - Не того, что он справится с тобой грубой силой - хотя таковой в верхней половине его тела все еще оставалось немало, плюс у него было оружие. А того, что стоит тебе оказаться с ним один на один и начать отыгрывать роль рабыни, как... ну, ты понимаешь - как у алкоголиков, которые могут год не пить, а потом сорваться от единственной рюмки, или даже просто от запаха спиртного.

- Нет, вот это уж точно нет! - Джэйлин так гневно затрясла головой, что даже ее парик слегка съехал. - Алкоголики от своего пьянства, по крайней мере, удовольствие получают... хоть какое-то. А у меня к нему никогда не было ничего, кроме ненависти. Только она была задавлена страхом. От которого мне помогла избавиться ты. Ты говорила, что ты не психолог, но ты сделала для меня больше, чем любые психологи, которые никогда не были на нашем с тобой месте - а потому грош цена всем их теоретическим рассуждениям... Сделала даже не словами, которые ты мне говорила, а уже самим своим примером. Ты показала мне, как можно не бояться. И ему бы уже никогда не удалось вернуть меня обратно. Ни ему и никому другому.

- Я же говорю - ты сделала работу над ошибками, - улыбнулась Арлетт. - На самом деле, унизительна только покорность. Невозможно унизить того, кто сопротивляется. Его можно заковать в цепи, но он лишь усмехнется и скажет: "Значит, вы настолько меня боитесь?" Ну то есть, - поспешно поправилась она, - в реале-то, конечно, не всегда нужен такой плакатный героизм. Более разумной тактикой может быть изобразить покорность, чтобы потом нанести врагу удар, которого тот не ожидает. В точности как это сделала ты, исполняя наш ему приговор. Но ключевое здесь - *изобразить*. И чтобы маска не начала прирастать к лицу.

- У меня против такого прирастания теперь уже иммунитет. На всю жизнь, - заверила Джэйлин.

К ее ногам, шурша в траве, подкатился красно-синий мячик. Следом примчался счастливый спаниель с развевающимися по ветру ушами, подхватил мячик и побежал обратно к своей хозяйке, уже нетерпеливо звавшей его из опасения, что он потревожит сидящих на скамейке девушек.

- Я уже даже собак в ошейниках видеть не могу, - призналась Джэйлин с неловкой усмешкой. - И носящих что-то во рту по воле хозяина. Хочется немедленно их освободить. Хотя, конечно же, глупо приписывать собакам человеческие чувства.

- Именно, - кивнула на последнюю фразу Арлетт. - Так что, уж пожалуйста, не примыкай ни к каким радикальным идиотам, борющимся за несуществующие права животных. Права могут быть только у разумных существ. В дикой природе просто нет такого понятия.

- К идиотам - точно не буду, - пообещала Джэйлин, а затем лукаво добавила: - А неплохая из нас команда мстителей получилась. Нет, я это не к тому, конечно, чтобы корчить из себя супергероев и делать и дальше что-то противозаконное. Отныне будем жить нормальной жизнью. Но - это было круто!

- Парик поправь, конспираторша.

- Так?

- Левее чуть... ага.

- А у тебя когда-нибудь была собака, Арлетт?

- Нет, - покачала головой та. - Как-то никогда не возникало желания быть чьим-то хозяином. Я не к тому, что это плохо, если речь идет о животных - просто мне это неинтересно. Уж если общаться, то с кем-то равным по интеллекту.

- У меня вот тоже никогда не было ни собаки, ни кошки. А теперь вообще никого нет. Отец нас бросил, когда я еще маленькая была, мама - сама знаешь. Братьев и сестер не было

никогда, разве что какие-то кузены по отцовской линии, но мы не общаемся. Школьные подруги теперь уже все разъехались по колледжам, да и, честно говоря, не хочу уже с ними общаться. Они на меня теперь как на экспонат в зверинце смотреть будут. Официальная-то версия, что я на все соглашалась по доброй воле, никуда не денется. Одна мне е-мэйл написала, мол расскажи да расскажи все интимные подробности, я ее в черный список занесла. Ну и... все, собственно. Насчет парней, думаю, сама понимаешь - меня теперь от одной мысли об *этом* трясет. Нет, я понимаю, что не все мужчины насильники, но тут у меня тоже теперь иммунитет на всю жизнь. Тем более, любой из них, кто узнает официальную версию моей истории, опять-таки будет относиться ко мне, мягко скажем, предвзято. А рассказывать всю правду нельзя. Я же лгала под присягой. Надеялась, кстати, так выстроить свои ответы на недомолвках и двусмысленностях, чтобы этого избежать, но куда там. Эти же юристы знают толк в таких вещах и добиваются однозначного ответа. "У вас есть претензии к обвиняемому, да или нет?" - и куда тут вывернешься? Я не жалею, конечно же, так было надо, чтобы воздать по заслугам этой мрази - но теперь заводить любые новые знакомства, хоть с парнями, хоть с девчонками, можно будет не раньше, чем обо мне забудет весь интернет. Кошку, что ли, завести? Их хотя бы без ошейника держать можно, и вообще они независимые. Но на кошек у меня аллергия.

Арлетт молчала, не видя смысла высказывать дежурные слова сочувствия. Тем более что она сама, будучи интровертом, не считала одиночество проблемой. Ее родители были живы, и с ними не было конфликта - но с тех пор, как она съехала от них, общались они мало. Дежурный обмен звонками в стиле "Привет, как ты? - Нормально, а вы? - И мы. - Ну ладно, мне тут работать надо, пока." Причем совсем не всегда у нее и впрямь имелась срочная работа - просто это был удобный предлог, чтобы прекратить неинтересный ей разговор. История с похищением, а также последующий суд и проигрыш дела, ее родителей, конечно, изрядно переполошили, они даже звали Арлетт снова пожить у них, что она, как работающий из дома фрилансер, легко могла себе позволить - но она отказалась. Выслушивать материнские охи и ахи она не любила, обсуждать эту тему с ними не хотела, а больше говорить с ними по-прежнему было, в общем-то, не о чем. У них была своя жизнь, у нее своя.

- Знаешь, - продолжила Джэйлин, не дождавшись ее ответа, - ты только не подумай, что я навязываюсь, или что ты мне что-то должна, но мне всегда хотелось иметь такую старшую сестру, как ты. Может, нехорошо так говорить, но с сестрой можно быть ближе, чем с мамой. Родители - это все-таки другое поколение, а с сестрой можно хорошо понимать друг друга. Я же равная тебе по интеллекту? Ты сама говорила, что я умная.

Это да, в процессе разработки плана мщения Арлетт не раз искренне хвалила Джэйлин. Собственно, практически вся финальная часть - приведение приговора в исполнение - была придумана последней. Арлетт бы и не осмелилась предлагать ей прийти к мучителю голой и безоружной и снова изображать покорную рабыню, пока не появится возможность столкнуть его с лестницы. Кстати, именно Джэйлин правильно просчитала, что Воррен наверняка уже оборудовал пандус для спуска в свое пыточное подземелье, даже несмотря на то, что ему уже некого там держать - а потому сама его попытка спуститься туда не будет выглядеть подозрительной. Арлетт разве что помогла с программой, позволившей откатить на два дня назад все даты на компьютере. Ну и, конечно, финал с револьвером - это было целиком творчество Джэйлин, где она выступила автором сценария, режиссером и актрисой главной роли. Практичная Арлетт предлагала просто оставить Воррена подыхать внизу, но Джэйлин было этого мало. Заставить подонка почувствовать себя в шкуре своих жертв, предложив ему аналогичный "выбор", дать ему надежду на легкую смерть, которую он, вероятнее всего, поначалу все же попытается оттягивать из страха, заставить его пройти через ужас последнего жеста самоубийцы шесть раз подряд и в итоге жестоко обломать, таки обрекая на медленную агонию - о, это и в самом деле было красиво! Ну а неделю спустя, понятно, забрать у трупа револьвер и уничтожить все следы, не вписывающиеся в версию "просто несчастного случая".

Насчет того, насколько унизительным для себя образом Воррен все же попытается оставить предсмертное послание, догадалась уже Арлетт - хотя понятно, что помочь это ему ничем не могло.

- Да, - согласилась Арлетт вслух, - мы с тобой точно поумнее многих.

- Я вот думаю, - продолжала Джэйлин, ободренная ее репликой, - почему все так по-дурацки устроено, что люди могут усыновлять детей, могут вступать в брак, теперь уже даже и однополый - но ты не думай, этого я тебе уж точно не предлагаю! - но не могут официально сделаться сестрами или братьями? Хотя вообще-то понятие побратимов было с древних времен, даже ритуалы какие-то для этого существовали, кровь там свою смешать - но юридического механизма так и не появилось. Во всяком случае, в современном обществе его нет.

- Да, - согласилась Арлетт, - это нелогично. Но, Джэйлин, ты пойми меня правильно...

- Это я так, теоретически, - тут же стушевалась та, поняв смысл ее тона. - Мы не должны афишировать наши контакты, знаю.

- Не только это. Где-то через полгода, если за это время Воррена так и не найдут, или найдут и признают смерть несчастным случаем, никому уже не будет дела до наших отношений. Мол, судебный процесс нас развел, но позже мы помирились, если даже кто-то и станет копать. Но просто я вообще не считаю, что общий травматический опыт - это хорошая основа для отношений. Нам следует поскорее оставить эти страницы в прошлом, а не служить друг другу постоянным напоминанием о том, что происходило в том подвале.

- В том подвале сдох подонок, которого мы к этому приговорили, - жестко возразила Джэйлин, - а это хорошие воспоминания.

- Ну, если ты так говоришь, - усмехнулась Арлетт. - Нет, если для тебя финальное возмездие действительно перекрывает весь предыдущий кошмар, то я за тебя искренне рада. А вот лично я пока что даже не могу снова гулять в парке, где он меня похитил. Хотя мне там всегда нравилось.

- Мы могли бы гулять там вместе! Ну... через полгода.

Арлетт подумала, что это не такая уж и наивная идея. Пожалуй, в компании Джэйлин она действительно могла бы переоткрыть тот парк заново. Бродить там не погруженной в собственные мрачные воспоминания, а беззаботно болтая с подругой на любые другие темы...

- Ты говоришь, что хотела иметь старшую сестру, но я никогда не хотела иметь младшую, - тем не менее, сказала она вслух. - Наоборот, радовалась, что все внимание родителей достается мне одной.

- Но я не претендую на внимание твоих родителей, - возразила Джэйлин.

- Да и я уже не в том возрасте, чтобы конкурировать с младшей сестрой из-за родительских подарков, - хохотнула Арлетт. - Но ты же понимаешь, о чем я. Близких подруг у меня тоже никогда не было. Я как-то всегда одна со своим компьютером... и меня это, в общем, всегда устраивало.

- Но мы ведь уже... не совсем чужие люди. Ты сделала для меня больше, чем сделала бы родная сестра - вытащила меня из такого мрака, что... И я имею в виду не только физическое освобождение - это-то как раз было самое легкое. Как ты там говорила - самые страшные цепи не те, что снаружи, а те, что внутри. И ты помогла мне избавиться от них, снова почувствовать себя свободным человеком. А потом мы так удачно сотрудничали! Или ты хочешь сказать - это был просто бизнес, ничего личного? Наш общий враг мертв, дело закрыто, расходимся?

- Не знаю, - вздохнула Арлетт. - Моим первым чувством, когда я увидела тебя - там, в подвале - было презрение. Потом - жалость. Потом - сочувствие. Потом, по мере того, как к тебе возвращалось твое достоинство, а я убеждалась в твоем уме, стало приходить уважение. Но я уже сказала, что не ищу ни сестер, ни друзей. Может, само по себе это и неплохо, но - подозреваю, что это не мое.

- Арлетт, скажи прямо - ты не хочешь или боишься? Ты ведь понимаешь, в чем разница?

Если ты не хочешь, я, конечно, не буду навязываться. Уйду прямо сейчас, и больше мы общаться не будем. Но если ты боишься, то - почему не попробовать? Разбежаться ведь никогда не поздно. И мы достаточно умные и рассудительные, чтобы сделать это без скандалов.

- Чего бы я точно не хотела, так это сидеть и вытирать твои сопли по поводу того, что было раньше. Понимая при этом, что у тебя предостаточно оснований для таковых, и не осуждая тебя за них, но - не хотела бы. Но если, как ты говоришь, ты снова научилась шутить и смеяться... если мы не будем зацикливаться на том, что было, а поможем друг другу двигаться дальше... делиться не депрессией, а радостью... возможно, это было бы и неплохо. Но это все теоретические рассуждения. Я не знаю, - повторила она.

- Ты научила меня не бояться врага, Арлетт. А я хочу научить тебя не бояться друга.

- Неплохо сказано, - оценила Арлетт. - И ведь действительно еще вопрос, что сложнее. С врагом, по крайней мере, все ясно. С ним не надо церемониться, его надо уничтожить любым доступным способом. А вот с другом церемониться как раз надо. Чтобы не обидеть, не оттолкнуть, не огорчить без необходимости. И враг не может разочаровать, от него всегда ждешь самого худшего. А вот друг - может, и еще как. От него-то худшего не ждешь, иначе это никакая не дружба... Компьютеры как-то надежнее. Они, конечно, тоже могут глючить, но там, в случае чего, можно просто восстановиться из бэкапа или купить в магазине новые комплектующие.

Она думала, что Джэйлин обиженно ответит "ну извини, что я не компьютер", но она сказала иное:

- Но компьютеру на тебя плевать. Он ничего не делает для тебя по собственной инициативе. Он тоже, по сути, раб, лишь исполняющий приказания.

- Уела, - усмехнулась Арлетт. - Знаешь, Джэйлин, вот что я думаю. Нам по-любому стоит подождать с близким общением полгода или сколько там потребуется, чтобы смерть Воррена обнаружили и признали несчастным случаем. И чтобы уж точно не попасть под подозрение, и чтобы убедиться, что я действительно нужна тебе. Что это не... травматическая привязанность, как выражаются эти психологи. Она ведь может быть не только к мучителю. Но и к спасителю. Надо удостовериться, что я... что мы представляем ценность друг для друга сами по себе, как личности. А не как бывшие жертвы одного и того же мучителя или бывшие мстительницы ему же. Не он должен объединять нас, понимаешь? И вообще, на твоем месте я бы сейчас налегла на учебу. Этот подонок отнял у тебя два года, но не всю жизнь. Ты еще можешь поступить в колледж... может быть, даже и впрямь стать актрисой. Или даже режиссером, - улыбнулась Арлетт. - Если уедешь учиться, мы сможем переписываться. А там... посмотрим. У нас впереди еще долгая жизнь.

- Ладно, я поняла, - вздохнула Джэйлин. - Подождем и посмотрим. Ну ладно, тогда я пойду, наверно. Если что, ты знаешь, как со мной связаться. Пока, Арлетт. И... в любом случае спасибо тебе за все, что ты уже для меня сделала.

- Пока, Джэйлин. Рада, что смогла помочь.

Арлетт осталась сидеть на скамейке, глядя вслед удаляющейся фигурке. "Младшая сестра", надо же. Но в самом деле, почему бы и нет? Они уже были сестрами по несчастью и сестрами по оружию - но, может быть, они и впрямь могут стать и просто сестрами без всех этих приставок? В конце концов, как бы Арлетт ни осторожничала и ни опасалась поспешных выводов, объективно у них с Джэйлин действительно нет сейчас более близких людей, чем каждая из них для другой. Даже несмотря на то, что у Арлетт все еще живы родители. Которым, в частности, она никогда не рассказала бы про казнь Воррена. Ее отец был вполне способен заявить в полицию на собственную дочь, а уж на чужую ему Джэйлин заявил бы тем более - "Это же противозаконно!" Он же такой правильный. Если правительство велит носить ошейники, он наденет таковой первым, как уже надевал маску во время ковида-19, несмотря на отсутствие убедительной статистики, доказывающей их пользу... Примечательно, кстати, что отец всегда голосует за республиканцев, а мать за демократов, хотя оба плюются и ругаются,

глядя на кандидата от своей партии. Но когда людям навязывают выбор между двумя отвратительными кандидатами, и они покорно голосуют за одного из них только потому, что считают другого еще хуже, а в возможность победы независимых не верят в принципе (отчего таковая и становится невозможной) - разве это не та же самая выученная беспомощность, что и у жертвы маньяка, которой предлагается "выбор" - просить о наказании самой или быть наказанной за то, что не просила? Джэйлин, по крайней мере, нашла в себе силы и волю преодолеть и изжить рабскую покорность, хотя в нее таковую вбивали пытками, а не просто пафосными словами. И почему, действительно, удочерить маленькую девочку можно, а "усестрить" взрослую девушку нет? Даже и слова такого не существует. Что за идиотское правило, что породниться по горизонтали можно только через секс, а "просто друзья" должны иметь более низкий статус, чем кровные родственники, которые вообще-то друг друга не выбирали и могут быть совершенно чужими друг другу людьми?

Но если тебе навязывают правила, в которых нет ни логики, ни справедливости - поступай не по правилам.

2026